

Литературная газета

№ 5 (114), 2019

СТИХИ
Льва
Котюкова

стр. 6-7

Мир Севера
Николая
Курилова

стр. 8-9

Тот
самый
Тарковский

стр. 11

Исхак Машбаш – Герой Труда России

Народному писателю Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии Председателю правления Союза писателей Адыгеи, сопредседателю правления Союза писателей России, члену исполкома Международного сообщества писательских союзов Исхаку Машбашу присуждено звание Героя Труда России

Соответствующий указ подписал накануне Президент РФ Владимир Путин. Церемония вручения золотых медалей состоялась в Екатерининском зале Кремля.

Глава Кабардино-Балкарии Казбек Коков отметил, что «вклад Исхака Шумафовича в развитие многонациональной российской литературы, сохранение и укрепление мира и согласия, добрых отношений между народами нашей большой страны трудно переоценить».

По его словам, яркие произведения автора пронизаны любовью к родной земле и получили широкое признание не только в России, но и далеко за её пределами.

Исхак Шумафович Машбаш — автор более 60 книг, которые переведены на многие языки мира. В соавторстве с Умаром Тхабисимовым создал гимн Республики Адыгея.

Продолжение на стр.5

Наши новые книги

В рамках издательской программы МСПС увидел свет двухтомник известного русского поэта Валентина Сорокина

нежность, доброта и любовь — мир этих книг, воплотивших в слове движение самой жизни. Составителем выступила последовательница Валентина Васильевича, и его ученица Лидия Сычёва.

Первая книга стихов и поэм — «Тоска по крыльям», вторая — «Чаша судьбы». Валентин Сорокин — русский национальный поэт классической мощи и звучания. Его дар блестяще воплощён в лирике и эпосе, сатире и публицистике, прозе и очерках. Цельность и самобытность творчества Валентина Сорокина позволяет говорить о нём как об исключительном явлении в русской литературе нашего времени. Красота и отвага, мужество и

Высокая государственная награда

Поэт и переводчик, первый заместитель председателя МСПС, председатель Московской городской организации Союза писателей России, заслуженный работник культуры России Владимир Бояринов удостоен высокой государственной награды — медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени

Поэтические сборники Владимира Бояринова выходили в крупных столичных издательствах: «Советский писатель», «Современник», «Молодая гвардия», «Советская Россия», «Детская литература», «Малыш». В новой России — в издательствах: «Ключ», «Вече», «Литературная Республика» и др. И сегодня Владимир Бояринов остаётся одним из ведущих современных поэтов, верным и последовательным хранителем высокой традиции в русской литературе.

Владимир Бояринов является членом редколлегии и редсоветов журналов «Московский писатель», «Поэзия», «Проза», газет «ОЛГ», «Московский литератор» и «Московия литературная». В последние годы особое внимание Бояринов уделяет постоянно действующему фестивалю детского и юношеского творчества «Подсолнушек», много делает для поддержания юных талантов.

Исполком МСПС поздравляет Владимира Георгиевича с высокой наградой и желает новых успехов в его творческой и общественной деятельности.

Главный по «Юности»

Писатель Сергей Шаргунов возглавил литературно-художественный и общественно-политический журнал «Юность»

Шаргунов — депутат Государственной Думы, сопредседатель Союза писателей России. Он — лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры, государственной премии Москвы в области литературы и искусства, национальной премии «Большая книга», независимой премии «Дебют» в номинации «Крупная проза», итальянских премий «Arcobaleno» и «Москва-Пенне», Горьковской литературной премии и др.

«Мне бы хотелось, — сказал Сергей Шаргунов, — чтобы журнал устраивал семинары, мастер-классы, встречи в кафе, чтения. Не только в Москве, но и по всей России. И чтоб об этом знала Россия.

Планы размашистые и дерзкие. Не всё возможно осуществить сразу. Понятно, что надо выкладываться, проживая несколько одновременных жизней — писать прозу, работать депутатом и помогать людям, отчитываясь почти каждый день, воспитывать детей, ездить по стране, быть журналистом, в том числе снимать несколько телепрограмм. Но разгадка всего этого нехитрая: чем больше забот, тем больше времени.

Очень надеюсь, что мой приход в «Юность» поможет судьбе этого журнала и будет небесполезен для русской литературы».

Исполком МСПС поздравляет Сергея Александровича с избранием главным редактором легендарной «Юности» и желает успехов на этом поприще!

Вручена Патриаршая литературная премия — 2019

23 мая в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил девятую церемонию избрания и награждения лауреатов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

На соискание звания лауреата премии 2019 года было представлено более 40 кандидатур.

Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к участникам церемонии с Первосвятительским словом. Обращаясь к собравшимся, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, по традиции, сказал о борьбе правды и лжи в современном искусстве, о том, что нужно отличать «шум от сигнала», фейк от таланта.

Лауреатами Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 2019 года стали Дмитрий Володихин Александр Стрижёв, Михаил Тарковский.

Михаил Тарковский — внук русского поэта Арсения Тарковского, второй раз в шорт-листе. И в прошлом, и в этом году коллеги-журналисты считали его номером один среди номинантов. Это неудивительно. Последователь Виктора Аста-

фьева, он давно перебрался из Москвы в Туруханский район Красноярского края, работает главредом знаменитого сибирского журнала «Енисей», охотничает и пишет очень хорошие книги. К тому же, он уже получил престижную литературную премию «Ясная Поляна». Его неспешная, как большая река, исцеляющая проза, безусловно, лауреатская.

Дмитрий Володихин — коренной москвич, как он сам говорит, всю свою жизнь

проводит между храмом и библиотекой. Российский историк, известный работами по русскому средневековью, писатель и литературный критик.

Роман «Хроника одной души» Александра Стрижева, третьего награждённого, отметил и одобрил ещё Александр Солженицын.

В этом году, в отличие от предыдущих сезонов, кроме лауреатов все номинанты получили патриарший знак «За вклад в развитие русской литературы».

На вёсельной лодке через Тихий океан

Фёдор Конюхов открыл новую страницу в истории океанской гребли: пересёк южную часть Тихого океана из Новой Зеландии в Чили за 154 дня

За спиной — более ста дней кругосветного плавания. Несколько месяцев поклонники самого известного российского путешественника следили за его сложнейшей экспедицией. На маленькой вёсельной лодке он преодолевал мило за мильей. Безбрежный океан, тяжёлые погодные условия: шторм максимальной силы, волны выше лодки в шесть раз. А в радиусе сотен километров — ни души.

Он не только известный рекордсмен-путешественник, но и священник, художник и писатель. Человек очень скромный, ти-

хий, почитающий Бога и людей. Где бы они ни путешествовал, а Бог милует. Вот и в последний шторм обошлось.

Теперь он решил разбирать свои дневники, думает, как приступить к работе над новой книгой. «Надо настроиться и затянуть себя в работу, пока ещё свежи воспоминания и переживания», — говорит Фёдор Филиппович. — Эту книгу будет сложно писать: с одной стороны, однообразие Южного океана и погодных условий, с другой стороны — было много времени подумать над своей жизнью и переосмыслить прожитые годы.

Свой переход от Новой Зеландии до пролива Дрейка он посвятил пионеру океанской гребли — англичанину Питеру Бёрду. У Питера — наибольшее количество попыток пересечь Тихий океан в одиночку с запада на восток.

«В 1996 году он предпринял последнюю попытку пересечь Северный Тихий океан от порта Находка (Приморский

край) до побережья США, — рассказывает Фёдор Конюхов. — Стартовав в марте, он погиб в Тихом океане в июне 1996. Со мной на борту лодки "АКРОС" были его часы марки "Sector", их в Новую Зеландию привёз английский гребец-рекордсмен Саймон Чок, у которого 9 переходов через океаны на вёслах. Он многому меня научил, и в этот раз тоже меня консультировал и перед стартом в Новой Зеландии передал мне часы Питера, в надежде, что часть Питера перейдёт со мной через Океан, который забрал его жизнь. Они висели у меня всё время на переборке...».

«Весь опыт, который я получил на этом этапе, я передам моим друзьям, потому что когда я готовился к походу, я также изучал опыт других гребцов», — заключил Фёдор Конюхов.

«Золотое перо» в Мексике

Оргкомитет Национальной литературной премии Золотое перо Руси выполнил обещание, данное коллегам на Международной научной конференции «Равновесие мира» в Гаване, и доставил в Мексику русскую литературу по необходимому, составленному университетом списку. Рассказывает Светлана Савицкая

— Ещё зимой на конференции на Кубе стало ясно, что существует большая проблема с русскими книгами в Мексике, тогда-то и началось взаимодействие с Мексиканским гуманитарным университетом в городе Гуанохуато.

Проблема русской литературы в странах Европы давно стоит остро. Не так давно её обсуждали в Софии с профессором академиком Костой Пеевым, все попытки которого обеспечить русские школы в Болгарии не увенчались успехом.

Тогда оргкомитет откликнулся на призывы болгарских собратьев по перу, а также призыв Бельгийского Русского дома во главе с Мариной Новиковой, собрал и отвёз книги в Брюссель, Париж, Берлин, Стокгольм. В Мадрид было передано 150

кг книг. Привозили книги в Индию, Чехию, Сербию, Украину, на Чукотку в Анадырь и на Байкал, на Дальний Восток, в Калининград, бывшие республики некогда большой страны.

Ещё в 2006 году прекрасная поэтесса Римма Казакова сказала: «Берём на себя функцию государства, спасаем литературу, как можем»...

Получив по электронной почте из Мексики список необходимой классической литературы, словарей и современных книг, первой откликнулась Детская библиотека №2 в городе Балашиха-9, затем директор в МБУК Централизованной библиотечной системы Лариса Покрасова.

Удовлетворив полностью весь запрошенный список классической художественной литературы, оргкомитет закупил словари, русских учебников, современной литературы, отобрал книги лауреатов премии Золотое перо Руси. Откликнулись дружественные организации: Общеписательская литературная газета, журнал «Инженер и промышленник», Фонд русской словесности, Всемирный союз писателей, МГО СП РФ, Общество «Совесть»,

МПК Ляпко, Торгово-промышленная палата Новосибирска, Кузнецовский фарфор, передав для коллег из Мексики наградные дипломы, книги, благодарственные или приветственные письма, сувениры, подарки.

И с 11 по 20 апреля в Университете Гуанохуато состоялась передача литературы, сувенирных и наградных пакетов, что стало настоящим литературным праздником. Пока в России продолжается беспросветная библионочь, а в Мексиканском Гуанохуато наступил просветный в отношении

русской литературы и русского языка день.

В рамках международных встреч в Мексике по поручению учредителя Национальной литературной премии Золотое перо Руси Александра Бухарова за поддержку и популяризацию русского языка и русской культуры учёным, преподавателям университета были вручены благодарности, золотые и серебряные дипломы, почётные награды Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России».

В Центре изящных искусств г. Мехико за укрепление культурного моста между континентами и помощь, оказанную

при отправке русских книг в Мексику руководство Гуманитарного Университета в Гуанохуато торжественно вручило благодарственные адреса учредителю международного проекта Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» Александру Бухарову; писательнице Светлане Савицкой; президенту Фонда русской словесности Василию Тишкову; председателю МСОО «МСПС» Ивану Переверзину и другим.

Фото Альберта Заболоцкого, Мексика.

В посёлке Прохоровка Белгородской области награждены лауреаты Всероссийской премии «Прохоровское поле», а по всей Белгородчине выступили писатели — участники одноимённых XI Литературно-патриотических чтений.

Писатели на ратном поле

В ознаменование памяти подвига советского народа в героическом танковом сражении под Прохоровкой были учреждены Литературно-патриотические чтения «Прохоровское поле» в 1999 году.

В рамках чтений проводится раз в два года Всероссийский конкурс в 10 номинациях на лучшее произведение в области литературы и искусства патриотической тематики с присуждением премии «Прохоровское поле».

В этом году участниками литературно-патриотического форума стали около 50 писателей из Белгорода, Москвы, Киева, Харькова, Николаева, Минска, Симферополя, Махачкалы и многих других городов нашей страны и ближнего зарубежья.

В день открытия чтений участникам гостеприимные белгородцы подготовили насыщенную программу с поездкой по Белгородской области.

Лауреаты премии «Прохоровское поле» — 2019

17 мая в библиотеке им. Н.И. Рыжкова Прохоровского района были подведены итоги Всероссийского конкурса на лучшее произведение в области литературы и искусства патриотической тематики.

За историю литературно-патриотических чтений присуждено 90 премий. В соответствии с решением жюри премии в этом году вручены: Владимиру Конкину (Москва) — за книгу «Берлинская лазурь» и «К отцу»; Петру Толочко (Киев) — за книгу «Украина между Европой и Россией»; Александру Карлюкевичу (Беларусь) — за книжную серию «Созвучие. Беларусь — Россия»; Константину Фролову (Симферополь) — за книгу «Мы вернулись»; Юрию Ложицу (Москва) — за роман-воспоминание о военном детстве «Эпические времена»; Константину Пуликовскому (Москва) — за книгу «Украденное возмездие»; Виталию Волобуеву (Белгород) — за книгу «На берегу Вселенной»; Виктору Римскому (Белгород) — за роман «Дни печали и скорби»; Николаю Лутюку (Белгород) — за книгу «Особый слав»; Юрию Перминову (Омск) — за двухтомную антологию «Слово о матери»; а также народному артисту РФ Юрию Назарову и заслуженной артистке РФ Людмиле Мальцевой — за пропаганду русской классической литературы.

Традиционно в этот день вручена и премия генерала Махмута Гареева «За выдающийся вклад в дело сохранения исторической памяти Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». В номинации «Подвиг твой бессмертен» за очерки «Роковой треугольник» и «На той войне незначительной» премию получил Сергей Бережной (Белгород).

Памяти Валерия Ганичева

XI Литературно-патриотические чтения «Прохоровское поле» начались с утреннего молебна в Церкви Иконы Божией Матери «Спорительница Хлебов» в посёлке Дубовое, после чего участники побывали у

дуба-долгожителя, который, по преданию, посадил гетман Войска Запорожского Богдан Хмельницкий в честь воссоединения России и Украины.

А потом гостям показали «Алгоритм успеха» — самую крупную и современную школу области — безупречный пример организации образовательного пространства. Здесь писатели испытали систему входа по отпечатку пальца, увидели огромные рекреационные пространства, узнали, что в школе работает «шведский стол», бассейн, сауна и соляная комна-

та. Для ребят они прочитали свои лучшие произведения, а фонду школьной библиотеки подарили свои книги и сборники стихов.

После экскурсии по школе участники форума отправились в Ближнюю Игуменку для официального открытия литературных чтений, посвящённых памяти Валерия Ганичева — председателя Союза писателей России с 1994 по 2018 год: именно Валерий Николаевич в 1999 году стал одним из инициаторов создания литературно-патриотических чтений «Прохоровское поле».

В фойе культурно-спортивного центра Белгородский литературный музей развернул выставку «Росс непобедимый», посвящённую В.Н. Ганичеву, где представил фотографии, документы, награды, различные издания, материалы из архива писателя, его книги и личные вещи.

На торжественном открытии Литературно-патриотических чтений «Прохоровское поле» 2019 года к участникам и ор-

ганизаторам форума обратился советник президента Владимир Толстой, сердечно приветствовал гостей начальник управления культуры Белгородской области Константин Курганский. В своём приветственном слове председатель Союза писателей России Николай Иванов отметил: «Приезжая в Белгородскую область, мы видим, что не всё плохо в стране. У нас есть будущее. И за это будущее спасибо вам!»

Давний товарищ В.Н. Ганичева, академик Российской академии наук и Национальной академии наук Украины Пётр Толочко (г. Киев) говорил не только о своём друге, но и о роли личности в истории, о незблемом единстве русского, украинского и белорусского народов, какие бы катаклизмы нам не пришлось преодолевать...

На открытии литературных чтений юные и взрослые артисты читали отрывки из произведений В.Н. Ганичева, пели его любимые песни. Ансамбль «Русь Державная» из Ельца Липецкой области под руководством композитора Владимира Комарова-Елецкого исполнил «Ушаковский гимн» на слова Юрия Макарова и «Славяне — мы!» на слова Владимира Молчанова.

Артисты Владимир Конкин, Юрий Назаров, Александр Цуркан и Константин Фролов-Крымский читали стихи.

Писатели пошли в народ

Разбившись на группы, они посетили Алексеевский, Борисовский, Валуйский, Волоконовский, Грайворонский, Красногвардейский, Красноярусский, Новооскольский районы, города Губкин и Старый Оскол.

Участников чтений принимали Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Университет кооперации, экономики и права, ГАУ им. В.Я. Горина, Государственный институт искусств и культуры, Юридический институт МВД России имени И.Д.Пугилина, индустриальный, строительный, педагогический колледжи, Институт развития образова-

В читальном зале Центральной районной библиотеки г. Бирюча читатели встретились с писательской бригадой в составе заместителя председателя Международного сообщества писательских союзов, заслуженного работника культуры России Владимира Середина (Москва), вдохновителя и руководителя издательского проекта «Письма с фронта» Татьяны Васильевской (Краснодар), Сергея Бережного и Веры Кобзарь (Белгород).

На встречу с писателями пришли школьники, студенты техникума, работники культуры и образования, представители старшего поколения.

Владимир Середин рассказал о деятельности Международного сообщества писательских союзов — правопреемника Союза писателей СССР — по поддержке национальных литератур в странах ближнего и дальнего зарубежья, где работают русскоязычные писательские организации — члены МСПС, а также в республиках Российской Федерации. Он поделился и своим личным опытом переводческой работы.

Визуализация военных лет

В заседании Попечительского совета «Прохоровское поле», которое провёл председатель, член Совета Федерации Николай Рыжков, приняли участие губернатор Белгородской области Евгений Савченко, его заместитель Ольга Павлова, митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, митрополит Курский и Рыльский Герман, члены Попечительского совета и участники чтений.

Директор Военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле» Наталья Овчарова рассказала о том, каким увидят новый музей его посетители.

Здесь можно будет проследить исторические вехи военных лет. Экспозиция начнётся ещё мирным временем, но на контрасте: в ней наши мирные улочки соседствуют с улицами Германии, где уже полным ходом идёт подготовка к военным действиям.

Следующая экспозиция — те же улицы, но после первой бомбардировки, затем — зал эвакуации, за которым следует зал «Размещение на новом месте», дальше будет зал металлургии, конструкторское бюро, территория завода и другие.

Уже сейчас для музея закуплено более тысячи уникальных предметов, иллюстрирующих жизнь тех лет.

«Всё это мы делаем для нового поколения. Нельзя не признать, что сегодняшняя молодёжь другая, она более "продвинутая". Их не удивит простыми картинками на стенах. Их привлекут новые, современные технологии, богатый визуальный ряд», — отметил Николай Рыжков.

Для этого в музее будет 35 мультимедийных зоны и 32 точки, где можно будет с помощью аудиотехники послушать истории, которые пережили наши предки во время Великой Отечественной войны.

Сергей КОТКАЛО
сопредседатель
Союза писателей России

Площадь Надежды славянских поэтов

В 47-й раз в болгарском городе Хасково состоялся национальный праздник — Литературные дни «Южная весна», в котором по приглашению мэра города Добри Беливанова принял участие член правления Союза писателей России, член Славянской академии литературы и искусств Болгарии, поэт и переводчик Валерий Латынин

В прошлом году Латынин по собственной инициативе перевёл и издал в «Российском писателе» на двух языках книгу стихов «Площадь Надежды» одного из самых выдающихся современных поэтов Болгарии Ивайло Балабанова. Во всенародной любви и авторитете этого поэта убеждает тот факт, что Балабанов стал почётным гражданином трёх болгарских городов — Ивайловграда, Кырджали, Свиленграда и деревни Хухла, где он родился. Больше пятнадцати лет Ивайло прикован к инвалидному креслу, но его пророческие стихи продолжают волновать и радовать соотечественников, а теперь и русскоязычных любителей поэзии за пределами Болгарии.

Устроители «Южной весны» (учредители: община Хасково и Союз болгарских писателей) приняли решение провести в рамках Литературных дней презентацию новой двуязычной книги Ивайло Балабанова «Площадь Надежды» с участием поэтессы и критика Минны Карагёзовой, актёра Стефана Циркова, квартета «Джуниор» и Валерия Латынина.

Поэтический вечер состоялся в день открытия праздника в городском театре

имени Ивана Димова. Солистки квартета «Джуниор» предваряли его песнями на болгарском и русском языках. Минна Карагёзова представила гостя из Москвы, рассказала о сотворчестве Ивайло Балабанова и Валерия Латынина и их совместном труде — книге стихов «Площадь Надежды».

На болгарском языке стихи прозвучали в исполнении актёра Стефана Циркова, а русскоязычную версию озвучил сам Валерий Латынин. И оригинальные стихи, и переводы тепло воспринимались слушателями, о чём свидетельствовали аплодисменты, цветы и слова благодарности.

Были и приятные сюрпризы. Узнав о казачьих корнях переводчика, приехал из города Кырджали, чтобы поприветствовать собрата, потомок донских казаков, председатель управительного совета Единого казачьего союза Болгарии Огнян Александров.

Сердечно приветствовал русского поэта и мэра Хасково Добри Беливанов, вручив Валерию Латынину букет цветов и сувенир с изображением герба и покровительницы города — пресвятой Богородицы.

Поздравление от мэра Хасково Добри Беливанов

На следующий день состоялась поездка Валерия Латынина в сопровождении Минны Карагёзовой и хасковского поэта Хубена Стефанова в Свиленград, что на границе Болгарии с Грецией и Турцией, там живёт Ивайло. Встреча двух славянских поэтов была тёплой и трогательной. От переполнявших его чувств Ивайло, утративший много лет назад речь, вдруг запел любимую народную песню «Хубаво си, моя горо» о вновь расцветающем лесе

и навсегда уходящей молодости. У всех, кто это слышал, невольно выступили слёзы. Ушла молодость поэта, уходят последние жизненные силы, но остаются прекрасные стихи, которые способны утешить и вдохновить людей. И это — главное предназначение.

В рамках программы пребывания русского гостя в Хасково прошли и другие мероприятия: встреча с членами жюри национального конкурса дебютной литературы во главе с доктором филологических наук, профессором Симеоном Яневим; с активом болгаро-русского клуба; руководителями болгарского отделения Международной ассоциации Витязей Албеной и Миленой Галабиновыми из города Пазарджик. Намечены планы дальнейшего сотрудничества в области литературы, культуры и духовно-патриотического воспитания молодёжи.

Фото Драгомира Мирчева

Московские гастроли «Южного сияния»

Есть один литературный журнал, который существует только восемь лет, но и новичком его уже нельзя назвать, в литературной среде его знают и уважают и в России, и за рубежом. Это журнал, который собирается и издаётся в Одессе, а зарубежным его назвать язык не повернётся. Как будто это классический «толстяк» вроде «Нового мира» и прочих, да поставить его в этот ряд можно только с большими оговорками: у него своё лицо, и он — другой, сам по себе

Речь о журнале «Южное Сияние» Южнорусского союза писателей. Его выпускающий редактор, одновременно председатель названного союза Сергей Главацкий живёт в Одессе, там живут в другие члены редакции — Людмила Шарга, Алёна Яворская, а вот главный редактор Станислав Айдинян, бывший в далёких 80-х литературным редактором и секретарём Анастасии Цветаевой, живёт в Москве. Дружба, сотрудничество, отрицание конъюнктуры, неприятие идеологии насилия, отвержение политики, — всё это оказалось залогом успешного существования «Южного Сияния».

Апрель ознаменовался несколькими литературными вечерами, на которых был презентован новый, первый за 2019 год, номер журнала. Надо заметить, что в нём на 220 страницах опубликованы произведения 44 авторов из 17 городов России, Украины, Беларуси, Молдовы, Приднестровья, Польши, США, Канады и Израиля, в том числе произведения 12 москвичей и 12 одесситов. Паритет очевиден. Представили его главный редактор Ст. Айдинян и завотделом прозы Ольга Ильницкая. Первая из презентаций прошла в

культурном центре литературно-художественного журнала «Юность».

Вечер открыл заместитель главного редактора «Юности» Игорь Михайлов. Выступали авторы: секретарь правления СП России Виктор Кирюшин, главный редактор Общеписательской литературной газеты Владимир Фёдоров, поэт, палиндромист, куратор фестиваля «Курский контекст» Александр Бубнов, поэт и литературный критик Александр Карпенко, поэт, прозаик, драматург Емельян Марков, главный библиотекарь Российской государственной библиотеки искусств Елена Вадохина, члены ЮРСП Евгения Баранова, Анна Маркина, Ольга Харламова, гости и авторы других номеров Анна Гедымин, Галина Богачеко, Павел Сушко. Неоднократно вспоминали о молдавском фестивале «Пушкинская горка», которому посвящена четверть объёма номера.

Не прошло и недели, и продолжение последовало — вторая презентация «Южного Сияния» в PEN International. В этот раз члены редакции позволили себе довольно продолжительное, сопровождающееся обсуждением повествование о предпосылках возникновении журнала, о взглядах

редакции на литературный процесс. А уже после прозвучали произведения и высказывания авторов «Южного Сияния», членов российского ПЕНА Константина Кедрова, Ефима Бершина, Евгения Чигрина, Сергея Мнацаканяна, Аллы Рахманиной.

Ещё через неделю новый номер «Южного Сияния» был представлен Станиславом Айдиняном на общем собрании Московского представительства Союза российских писателей. Он рассказал до-стопочтенной публике о журнале, его ос-

нових и позициях, говорил о современном положении поэзии и прозы в интернет-пространстве, о проблемах современного распространения печатного и сетевого слова пишущих авторов.

А апофеозом «гастролей» стал большой литературный вечер «Бесконечность плюс бесконечность», который прошёл в московском Доме поэтов, удивительном месте в Трёхпрудном переулке, где прошло детство Марины Цветаевой. А ведь в 2017 году целый номер — больше культурологический и литературоведческий, нежели литературно-художественный — был посвящён именно Марине Ивановне! На вечере в Трёхпрудном выступили известные поэты, прозаики и критики, организаторы фестивалей и редакторы литературных журналов, авторы международной общественной организации «Южнорусский союз писателей» Евгения Баранова, Елена Черникова, Александр Карпенко, Левон Осепян, Анна Галанина, Надя Делаланд, Андрей Краевский, Татьяна Аксёнова-Бернар, Леонид Волков, Елена Коро (Севастополь), Галина Ицкович (Нью-Йорк) и другие.

Пожелаем же «Южному Сиянию» мирного неба над головой, успешного развития, ещё больше ярких публикаций авторов и, главное, умных читателей!

В кровном родстве со своим народом

Исхак Машбаш, обладая большим талантом и широким писательским диапазоном — от стихотворной лирики до монументальных романов, — посвятил себя исследованию и художественному осмыслению судеб нескольких поколений адыгэ-черкесов, живших на протяжении нескольких веков

«Источник вдохновения — моя родная земля», — говорит он. И это вдохновение чувствуется и ощущается реально, когда писатель рассказывает о своей малой родине.

Многочисленная диаспора соотечественников, вынужденно покинувших Черкесию и живущих за рубежом (Турция, Сирия, Иордания, Израиль, Ливан, Ирак, Ливия), встречает его с искренним интересом. Писатель переживает за свой народ, как за семью — своих сыновей и дочерей, отцов и матерей, сестёр и братьев, его сердце болит за всех и каждого. Его чувства слились воедино в некое подобие кровного родства, и именно это «родство» служит основой вполне разработанной системы его мышления и творческой реализации.

Его романы бывают эмоционально напряжёнными, и даже болезненными, поскольку в них решаются судьбы народов, происходят кровопролитные войны, массовая гибель мужчин, одиночество вдов, безотцовщина детей, но в них отражается жизнь, как она есть — без прикрас. И тогда душа воспринимает трагедию, как великую тайну жизни, обнажающую истину и соскребающую ложь с души.

Машбаш изобразительными выразительными средствами, словно лучом, высвечивает самые глубинные слои человеческого естества, вскрывает весь потенциал возможностей своих героев, как положительный, так и отрицательный. Без таких реально существовавших героев, как Рэдэд, Сибок, Хан-Гирей, Сафербий Зан, Фидур, черкешёнок Афиписы и Айшет-Аиссе, ставшими историческими и литературными памятниками Черкесии, произведения были бы другими, ибо вымышленные герои не имеют той ценности, какая есть у героев, имеющих реальные прототипы.

Эстетические взгляды Исхака Машбаша неразрывно связаны с живительным источником народа — его языком, традициями, поговорками, пословицами. Они вложены в уста мудрецов, потому в его романах широким потоком течёт «живая» речь, простонародный язык, который сливается с языком литературным.

Погружаясь в историю, адыгэ-черкесский писатель Исхак Машбаш видит, как с ростом производственных сил и производства товаров передовым странам нужны были новые рынки сбыта. В развивающемся индустриальном мире происходит активное внедрение современного транспорта — пароходов, поездов, автомобилей; волы и лошади уходят в прошлое. Но патриархальный мир не хочет изживать себя. Организация управления в адыгэ-черкесском обществе не менялась веками: народное собрание, народный совет, моральный кодекс адыгэ хабзе. Земля уже поделена и частично перешла в частную собственность князей и дворян. Товарному производству подлежали леса, меха, мёд, активно шли обмен и торговля с генуэзцами. Земледелие и ремесло, которые могли бы приносить основную прибыль, не развивались в промышленных масштабах.

Собственной валюты у адыгэ-черкесов не было, но деньги уже пришли в семьи, шло расслоение на бедных и богатых. Дело всё ближе подходило к торговле землёй, например, строительство генуэзских факторий по всему адыгэ-черкесскому

побережью Чёрного моря, как мы видим в романе «Жернова», когда натухаевский князь Магомчерий Зан продал землю туркам, а они построили на ней свою крепость — Анапу и тем самым закрепились на черкесской территории, тактически и стратегически стали считать её своей. Пришло время, и за свою независимость они заплатили России землями Черкесии. Так или иначе, адыгэ-черкесский народ не

успел войти в процессы, которые формировали цивилизационный мир. Собирались сходы родов, встречались предводители, пытались договариваться, но ничего не получалось. И это отразилось в своих произведениях Исхака Машбаша.

Как показывает писатель в исторических романах «Рэдэд», «Адыги», «Дорога смерти», «Раскаты далёкого грома», «Жернова», «Хан-Гирей», «Два пленника», «Лазутчик», «Изгнание», «Чужие среди чужих», по существу, люди не были готовы к объединению, свободолюбивый образ жизни выработал в них дух противоречия. Отдельные представители родов, предводители и дворяне-землевладельцы задолго до основных трагических событий Кавказской войны задумывались над будущим, но, сделав шаг в сторону нового, возвращались к старому мироустройству. И всячески оправдывали его значение: «Нашу свободу из века в век хранили наши предки». При этом на протяжении веков они не оставляли мысли стать сателлитами соседних государств, таких как Восточная Византия, Турция, Россия, Крым.

Писатель Машбаш точно передает атмосферу смены эпох, когда назревающий промышленный переворот привёл европейские державы к политике завоеваний новых земель для усиления своей доли в мировой торговле. Конфликт интересов становился неизбежным. Генуэзские фактории выявили возможности Черкесии как рынка, где патриархальный мир с собственными ограниченными возможностями превращался в прекрасную торговую провинцию для иностранцев. Английские эмиссары под видом путешественников

присматривались к стране Черкесии, определяя её перспективы. Неожитое пространство всегда порождает желание установить там своё господство. Главные игроки на политической карте того времени — Англия, Франция, Турция, Польша, Россия.

Конечно, не стоит забывать о том, что роман — это история, созданная творческим умом художника, а легендарные личности, представленные в нём — результат его художественного осмысления. Но это и не фантазия писателя. Романы созданы на основе исторических событий, почерпнутых из достоверных источников: исторической литературы, воспоминаний

у каждого народа, у каждого человека в отдельности. Об этом Исхак Машбаш говорит в каждом произведении, акцентируя на главных болевых точках, которые хочет вложить в сознание. На память приходит греческий философ Сократ, который говорил: «Я, как оса, прислан, чтобы жалить вас, будить, чтобы вы окончательно не уснули!» В этом сила писателя, в этом секрет его творческого долголетия и активности, продолжение миссии, конца которой быть не может.

Исхак Машбаш, как Сократ, ходивший и жаливший народ правдой, в своих романах призывает помнить и каяться не за тех, кто содеял все эти злодеяния, но за себя, равнодушного к тем сонмам, ставшим жертвой власти и денег в любом их проявлении. Жизнь героев, их ошибки и падения, благородство и героизм, — всё должно стать уроком жизни.

Исхак Машбаш пришел в адыгейскую, российскую литературу образно мыслящим тонким поэтом. Свидетельство тому его лирико-философские сборники стихов и поэм: «Мой мир», «Новая песня», «Самшитовая трубка», «Добрый голос твой», «Тепло твоих рук», «Солнечные струны», «Серебряный дождь», «Светлое имя твоё», «Созвездие», «Цвет ветра», «Щедрое солнце полдня», «Мир дому твоему», «Колесо времени», «Родники», «Золотая чаша», «Ожерелье», «Живи, добро верши» и многие другие.

Конечно, это лишь малая часть его наследия: творчеству писателя посвящено более пятнадцати книг, изданных в разные годы.

Исхак Машбаш перевел на адыгейский язык: «Слово о полку Игореве», «Медный всадник», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина, поэму «Беглец» М.Ю. Лермонтова, «Железная дорога» Н.А. Некрасова, «Двенадцать» А.А. Блока, «Анна Шегина» С.А. Есенина, «Облако в штанах» В.В. Маяковского.

Многие годы Исхак Машбаш избирался народным депутатом, был членом Верховного Совета СССР, с первого созыва он — член Общественной палаты России. Народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, лауреат Государственных премий СССР и России за большой вклад в отечественную литературу награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» IV, III, II степеней, орденом «Дружбы народов», медалью «Слава Адыгеи», орденом «Честь и слава Абхазии», орденом «За заслуги перед республикой Дагестан»; за большую общественно-просветительскую деятельность, активную гражданскую позицию Исхак Машбаш удостоен почётного знака «Общественное признание», награждён золотой медалью «Борец за мир», занесён в зал Национальной трудовой славы России, является председателем Совета старейшин всемирной Адыгэ-черкесской ассоциации, академиком Адыгской (черкесской) международной академии наук, академиком Академии наук Абхазии, почётным доктором Адыгейского государственного, Кабардино-Балкарского и Майкопского технологического университетов, почётным гражданином города Майкоп.

За долголетнюю творческую и плодотворную жизнь Исхак Машбаш стал неотъемлемой частью общественной жизни многих народов России. Он всенародно принят, уважаем и любим, а звание «народного» подтверждает сооружение живому писателю-классику памятника на его родине.

Лев КОТЮКОВ

Я разминулся с новым веком

Поминая
Владимира Высоцкого

1

Золотые лепестки —
роза-недотрога...
А по полю васильки...
Дальняя дорога.

Злая боль-любовь. Кабак.
Боже, как бездарно!..
«Вдоль дороги всё не так,
а в конце подавно!..»

И прощай, родимый край!
Небо голубое...
Давка в очереди в рай,
давка с мордобоем.

Кроме Бога никого
пред вратами ада...
И не надо ничего,
ничего не надо!

А казалось, впопыхах —
всё, как надо вышло...
На горе растёт ольха,
под горою вишня!

2

Стала пеплом и золой
роза-недотрога...
А по гари ледяной
мёртвая дорога.

Прогорел родной кабак...
Боже, как бездарно!
«Вдоль дороги всё не так,
а в конце подавно!..»

И не слышит отчий край —
ангельского пенья...
А на очереди в рай —
все без исключенья.

И в неведомом краю —
там, где жить не надо,
Я за Господом стою
пред вратами ада.

Жить мечталось без греха,
а иное вышло!..
На горе стоит ольха,
под горою вишня...

Мой парус

*Белеет парус одинокий...
Александр Бестужев-Марлинский*

*Белеет парус одинокий...
Михаил Лермонтов*

Белеет парус в жуткой сини...
Ревёт простор без берегов...
Прощай, немытая Россия,
Страна бессмысленных жлобов.

Бог выше жизни, выше смерти,
И Бог совсем не человек...
Белеет парус в круговерти,
И беспощаден новый век.

Вот-вот я с парусом исчезну,
И всё страшнее злая новь.
И жизнь уносит
парус в бездну,
Как будто в бездне есть любовь.

Я сгину в заданные сроки,
Но только не в краю родном!
Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Сарра

*Женщина есть зло неизбежное,
но необходимое!*

Юность обратилась в дивный сон.
Старость обратилась в ожиданье.
Где ты нынче, Сарра Эйдельсон, —
Кроткое еврейское создание?!

Кончилось советское кино,
И в дыму всемирного кагала —
Сам-то я пропал давным-давно,
А вот ты когда пропала, Сарра?!

Старый друг мне про тебя сказал:
«Вышла за какого-то засранца!..
Зря ты эту Сарру обжимал
В тёмном уголке на наших танцах...»

Разошлись любовные пути,
Пролетела жизнь без остановки...
И нигде еврейки не найти,
Сплошь одни хохлушки и жидавки.

Глухо, беспробудно, тяжело,
Но себя упорно не жалею...
Мне к тому ж совсем не повезло,
Ибо не родился я евреем.

Обратилась жизнь в незримый сон, —
Остаётся отвалить красиво...
И не сыщешь Сарру Эйдельсон
На сухих погостах Тель-Авива...

Тухло в этой жизни, как в тюрьме.
Тихо в старом доме Эйдельсона...
Только бродит призрак в полутьме —
Сарры — верной дочери Сиона.

Межвременье — 2018

Всё ходим вокруг да около,
Надеясь себя найти.
А вечер ревет за окнами,
И времени нет почти.

Но жалко до слёз грядущее!
Пропедавшее что жалеть...
Где даже самое лучшее
Давно обратилось в смерть.

Там все этот мир забыли,
Там тёмных могил не счесть,
Там все, кто меня любили,
Не ведают — кто я есть.

А ветер ревет над клёнами,
Аж рамы дрожат в окне...
И дамы мои влюблённые —
Являются лишь во сне.

И я, позабытый дамами,
Под ранний метельный свист,
В межвременье
вмёрз меж рамами,
Как жаркий кленовый лист...

* * *

Всё сильнее занимается
мой высокий костёр,
И туман поднимается
с одиноких озёр.

Светоносное марево
окружает меня,
Как бесплотное зарево
неземного огня.

Вышей волей влекомый,
жажду душу спасти,
И во тьме невесомой,
словно ангел почти...

Тень чужая мелькает —
и темна тишина...
Но в тумане сверкает
золотая струна.

Этой ночью туманной —
я, как в жизни иной!
Но следит неустанно
ангел Смерти за мной...

У него на примете
я всю жизнь, как во сне...
Только он в мире этом —
знает всё обо мне.

Только он принимает,
всё, как есть, наяву,
Только он понимает,
что давно не живу...

«Продвинутым»

Устал я от «продвинутых» людей!
Так хочется кому-то двинуть в рыло...
Но множится их царство,
хоть убей, —
Безудержно, отвратно, торопливо.

О, как бы их продвинуть враз туда,
Откуда ни один не возвратился?!
Где в реках только мёртвая вода,
Где тёмный ход времён остановился.

Где Полюса обрушились, звеня,
Где сатана — и тот вздохнул устало,
Где жуткий гул безумного огня
И хруст костей, пластмассы и металла...

Я злую немощь уничтожу, —
И смерть устало мне поможет.
А некто, скорчив скорбно рожу,
От огорченья занеможет.

Он сгинет в темной круговерти,
Он распадётся, словно атом...
И не узнает, что для смерти
Никто ни в чём невиноватый.

Вечное свидание

Шёл по росам и грозам,
Шёл, не веря наветам и слухам...
Шёл к невестам-берёзам,
А вышел к берёзам-старухам.

И не надо мне рая!
Я почти уже умер для Слова!..
Но берёзы, рыдая,
Обнимают меня, как живого.

И во тьме моя пристань,
Но, не ведая вечной разлуки,
Я целую, как листья,
Золотые, дрожащие руки...

И прощай, моё лето,
Но останься навеки свиданьем!..
И, быть может, лишь это
Будет мне до конца оправданьем...

Лёгкое дыхание

(Бунинский мотив)

Ослепла ночь без отраженья,
Прозрела мёртвая вода...
И шорох лёгкого движенья
Во тьме растаял навсегда.

Ночь поглотила, как пустыня,
Твои прелестные шаги...
О, если б знали,
кто я ныне —
Мои безумные враги...

Но трепет лёгкого дыханья
Ещё живёт в моей крови.
И вечны в недрах мирозданья
Ночные образы любви.

И без раздумий остаётся
Признать свободу — волей зла...
И ждать,
а вдруг навеки вернётся —
Та, что себя не сберегла...

После старого-нового года

Сгинул грустно
праздник милый,
Словно призрак по снегам...
Все, кому не дали в рыло,
Получили по рогам.

Разбрелись куда-то дамы,
Неопрятно на столе...
И безудержно поганю
В предраассветной тихой мгле.

Неуютство душу полнит,
И в отсутствие страстей,
Хоть убей, никто не помнит
Сути истинной своей.

Всё куда-то напрочь делось!
Да и я почти никто...
Но на жизнь ещё надеюсь,
Как на старое пальто...

Ледяное окно

В час рассвета сегого,
из окна ледяного, —
Ни просвета, ни слова,
как из мира иного.
Робко иней сверкает,
но упорно светает,
И лицо ледяное
на окне проступает.
И глаза ледяные
в снежной роздыми света,
Как слова неземные
ждут земного ответа.
Я с ответом терпюся,
внемля миру иному,
И лицом прислоняюсь
сам к окну ледяному.
Над просёлком морозным
в лёгком инее сосны
И лицо ледяное
обращается Солнцем.
Заслоняюсь от света
и с надеждой на слово —
От себя жду ответа,
как от мира иного...

Встреча
с селянином-стихобрёхом

«Старый дом мой давно ссутулился,
Старый пёс мой давно издох...»
Но в селе на Заречной улице
Отловил меня стихобрёх.

И вонючими дрянью-стихами
Про берёзки и зелены,
Про навоз, без роз, с лопухами,
Словно дятел достал меня.

Сколько ярости в стихобрёхе,
Он любого дубьём сразит...
Он грозит кулаком эпохе
И расправой властям грозит.

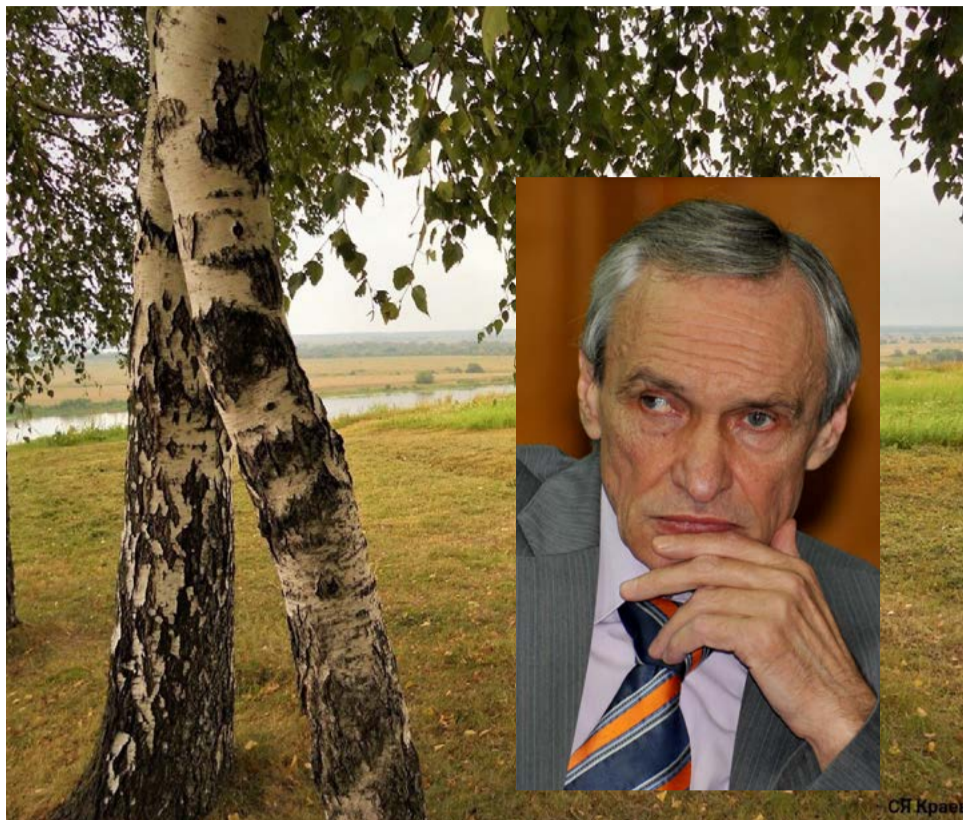
И себя вопрошает горько,
Блудный сын последних времён:
«Где ты, мачеха — злынь-махорка?
Где пахан — огонь-самогон?!

Я, кривясь, хвалю словоблудье
И угрюмо сулю успех:
«Если выйдешь случайно в люди,
То один перебрешешь всех!»

Он в ответ с прямою дерзкой:
«Я не пьяная горе-голь!..
Я король земли Иудейской!
Я Испанской земли король!»

И как выживший в заповеде,
Вновь орёт, пугая собак:
«Сдохнет Русь моя не в постели!
Похоронят Русь кое-как!..»

Я внимаю брехне спокойно,
Укорота уроду нет...
Кто-то скажет: «Да бред какой-то!»
Отвечаю: «Увы, не бред...»

Памяти моего друга Валерия Шитуева

*Когда приступаешь
к служению Божьему,
приготовь к искушениям
душу свою.*

Печальные записки
пред ликами Святых...
Но за ушедших близких
молось, как за живых.

И в круговертях чёрных
затравленно дышу,
Но не живых, а мёртвых,
о помощи прошу.

Как будто в безднах ада
навекки никого,
Как будто мне не надо
от Бога ничего!..

Петербургская нота

*В блокадном морге Петербурга,
От голода в рассветный час,
В ледяшку обратилась вьюга, —
И Сатана её не спас...
(Из ранних опытов автора)*

1
Я кое-как ещё живу,
Живу, как за Полярным кругом...
Забыв любимой, предан другом,
Москвой забыт и Петербургом,
Забыв во сне и наяву.

2
Мне до Весны дожить хотя бы!
Мне расслабляться недосуг...
Что мне Москва, что Петербург?!
В крутых порывах русских вьюг —
Всё уже круг, всё хуже бабы...

3
Я разминусь с новым веком,
Себе иль веку на беду...
И всё ж Весну упорно жду,
И словно старый зверь в аду,
Быть может, стану человеком...

Личное

Истинный гений — всегда смелость!

Что завтра случится — не знаю,
Не знаю, чем кончится век.
Но что мне свобода земная,
Коль я не совсем человек?..

Пусть мир от меня отшатнулся
В безумье небожеских чувств...
Я жизнью за жизнь
расплатился!
Я смертью за смерть расплачусь!

Но где ты сейчас,
моя смелость?
Я сам себе враг и судья...
И всё же на Бога надеюсь,
Надеюсь, как сам на себя...

И слышу слова неземные...
И словно из бездны любви,
До срока цветы ледяные
Восходят в душе на крови.

Из тьмы родословной

*У кого-то стакан наполовину пуст,
У кого-то наполовину полон...
А у меня нет стакана!..
Я без раздумий всю жизнь
пью прямо из горла...*

Поникли сады золотые
У края осенней земли...
И корни Судьбы родовые
Сквозь душу мою проросли.

Всё выше звезда надо мною...
Всё глубже земля подо мной...
Живу с неизбывной виной,
Что мог жить Судьбою иною,
Что следствием стал и виной —
Каких-то безвестных событий,
Где явность моя,
как вина!..

Судите, но лучше простите!..
А впрочем, а впрочем, идите,
Идите подальше, чем на!..
Я встречу с иною Судьбою,
Уйду, никого не виня...
Но древо моё родовое
Вцепилось корнями в меня!

Человек без недостатков —
это не человек!*

Вот он!.. Кончат его!
Слышу отчётливо —
В сумерках студного дня.
Что ещё, что ещё,
нехристи чёртовы,
Надобно вам от меня?!
И надвигается
Что-то ужасное
Из пустоты ледяной...
То ли грядущее?
То ли вчерашнее? —
Громо-кипящей волной.

Впору душе
Без оглядки отчаяться,
Впору пропасть ни за что...
Небо качается.
Время кончается...
Бога не знает никто!

И за пределами
Миротворения,
В адские бездны сойдя,
Словно у края
Гиблого времени,
Бог забывает себя...

За дорогой в никуда

*Истинное стихотворение —
это открытая могила поэта.*

Не призванных, а избранных навек —
Ведут в пустынях дивные светила...
Я, может быть, пропал, как человек,
И жизнь моя — забытая могила.
Но я иду в песчаной, колкой тьме,
И впереди погибшие собратья.
И жизнь моя, как нелюбовь, во мне, —
Уже раскрыла пустоте объятия.

И я почти что в пустоте исчез,
Вот-вот моя дорога оборвётся...
И грозное молчание Небес
На голос мой, увы, не отзовется.

Как горестно исчезнуть навсегда!..
Но слышу вдруг: «Отринь свои тревоги!
Закончилась дорога в никуда?
И хорошо... Похуже есть дороги...»

И я иду в песчаной, гулкой тьме,
Над мёртвой водой без отраженья...
И вне любви нет ничего во мне,
И в повторенье суть неповторенья.

И тихо тает пустота, как снег,
И позади открытая могила...
Не призванных, а избранных навек —
Ведут в пустынях дивные светила...

О, сколько ляпов,
сколько огрехов
в книгах моих!
Но самое ужасное,
что кроме меня,
этого не замечает никто...
И как-то очень нехорошо
начинаешь думать, в частном и целом,
обо всём прогрессивном
и непрогрессивном
человечестве, в рот ему дышло!*

Расступись, очнись, земля сырая,
Над могилой золотого сада!..
Я иду, любовь, к воротам рая,
Но иду, как встарь, дорогой ада.

С первозданной яростью светает,
Как в раю поют в посадках птицы...
А земля, как снег,
под Солнцем тает,
Шаг, другой — и в небо обратится...

Но иду — обрыв дорогой дальше,
Над могилой сада золотого...
И дурную ноту бодрой фальши
Оставляю за пределом слова...

Впрочем, впрочем, я оговорился, —
Но исправлюсь бодро,
всем на зависть:
За любовь я жизнью расплатился,
А за смерть платить не собираюсь.

Бог никогда не враг
человеку,
но человек зачастую
враг самому себе,
а, значит, Богу.*

Когда-то птиц кормил из рук
И был деревьям лучший друг.
Но душу молния прожгла,
Как огнеглазая игла.
И тотчас понял вдруг с тоской,
Что я взаправду никакой!
Что я совсем, совсем того, —
И мне не надо ничего.
Как до рождения почти,
Когда нельзя себя спасти,
Когда сполна предрешиено —
Всё, что дано и не дано —
Моей душе, любви моей, —
От первых до последних дней, —
Там, в заповеде бытия,
Где жизнь моя, как не моя...
Где никому не надо знать
Что смысла нет себя спасать!..

В книге рассказов и пьес «По лунной тундре» известного юкагирского писателя Николая Курилова, увидевшую свет в канун его 70-летия, собраны произведения разных лет в переводах русских авторов и самого писателя. Он возвращает сегодняшнего читателя, в том числе юкагира, живущего в мире глобальной сети, в мир предков, тревожась за сохранение этноса, его языка и истории. А ещё он драматург, поэт и фотограф. И — удивительный художник, сотворяющий свои картины при помощи ножиц. Или обычной шариковой ручки. Хотя и акварелист он прекрасный. Словом, талантливый человек, который во всём талантлив. С юбилеем, Николай! Новых вершин и успехов!

Возвращение

В это лето он был на свободе.

Нет, и раньше его держали куда свободнее, чем других, но теперь, хоть навсегда освободив от привязи, всё равно ему некуда убежать: старый стал. Лапы трясутся, не держат тело. В голове всегда гудит, глаза слезятся. Шкура уже не держит тепло, а шерсть никуда не годится: заденет что, там и остаются спекшиеся клоки.

Хозяин, помнится, сказал, что старость собаки, которая трудилась ради людей, может нагреть, как снег летом.

Пес Енгурче тяжело вдохнул: положил передние лапы друг на друга, опустил на них тяжёлую голову. На какое-то время так удобнее наблюдать за тем, что впереди: веки тяжёлые, сами опускаются, и темнота убаюкивает глаза. Впрочем, он и так весь день спит...

Он увидел щенка. Вообще-то, он видел его и раньше, но почему-то не обращал внимания. Может, был занят чем-то или дремал и видел его сквозь сон? Ну, нет, раньше тоже замечал: гляди-ка — подрост!

Щенок, лохматенький, с короткими лапками, похожий на пушинку перед носом Енгурче, радовался детству: носился среди кочек, гоняясь за невидимой Енгурче игрушкой. Может, это было птичье пёрышко или даже клочок его, Енгурче, шерсти?

«Какой смешной!» — подумал, наверное, старый пес, потому что чуть вздрогнули обвисшие уши.

Щенок носился среди кочек, задрав голову, и потому то и дело, спотыкаясь даже о траву, кувыркался через голову и смешно барахтался, показывая тёплому солнцу всё ещё розовенькие подушечки лапок.

Старик Енгурче закрыл глаза, тело расслабилось: может, он вспомнил своё собачье счастливое детство тундровичка?.. Старый пёс глубоко вздохнул и, чуть приоткрыв тяжёлые веки, увидел щеночка. И, словно поймав какую-то ниточку в своей собачьей памяти, снова закрыл глаза... Вот он, щеночек, бежит между пожухлыми кочками, кувыркается, но всё же с птичьим пёрышком в пасти... Но вот опять он, но уже в труде: не потому ли болит его некогда сильная грудь и ноют натруженные лапы с истёршимися когтями?

Каждый день — на лапах. Каждый день — в пути. Он — вожак! Он — первый друг хозяина...

Его туговатые уши всё же услышали позвякивание: он, Енгурче, знает этот звук — так звенят проволочные грузила сетей. Не открывая глаз, он словно видит, как идёт, переваливаясь вправо и влево, переставляя ноги в тяжёлых сапогах Хозяина. Он тоже постарел: голос утих, да и шаг стал медленней. А раньше был бойкий, мог с Енгурче бегать и играть.

Песни в пути пел. Про него, Енгурче, тоже. А если запоёт — надолго: о том, какой он, Енгурче, сильный и добрый. Как ему повезло, что встретил такого друга, который понимает его и помогает ездить по тундре, но и любит убежать, как его отец — волк...

Конечно, Енгурче многое понимает в человеческой речи, но многое кажется лаем и повизгиванием полозьев саней на снегу...

Жаль, как много Хозяин не услышит от него, хотя бы даже о том, что он, Енгурче, будет делать сегодня... Впрочем, зачем его огорчать... Сон, спасительный сон! Как хорошо спать и вдруг проснуться... А может и не...

И тут старый пёс услышал детский смех. Енгурче свернулся калачиком, спрятал нос под облезлым хвостом и сильнее зажмурил глаза. Дети друга идут: Татор и Олеринка. Им сопротивляться бесполез-

но: наденут платок, нацепят очки, могут и штаны одеть или юбку. Это терпимо, но ведь ещё натянута на лапы носки, давай потом в «больницу» играть: колоть деревянным уколом и компрессы ставить...

Вечереет. Тёплые детские ручки надолго запомнились ему.

«Чистые щенки! — подумал Енгурче, вспомнив о щеночке. Он смахнул лапой забытый платок с головы и оправу очков с ушей. Понюхал вещи: оправка без стекол пахнет Татором, а цветастый платочек — Олеринкой.

Положив голову на упавший под нос платок, он с тоской посмотрел на нетронутую миску с рыбными потрохами: Хозя-

Старый пёс бежал. Ему казалось, что бежит он так же быстро, как в молодости, но если б увидел себя со стороны, то понял бы, что еле плетётся на своих больных лапах, как очень, очень старая собака.

Резкий холодный ветер ударил в нос, и Енгурче остановился. Он знал этот ветер: колючий, впивающийся в тело тысячами острых иголок, проникающих даже через плотную шерсть — это ветер с Большой Солёной Воды, океана: безжалостный и враждебный в зимние полярные дни и ночи, и столь же благостный и спасительный в комариные жаркие дни и ночи летом.

Енгурче тяжело и часто захрипел, ощущая, как тело наполняется холодным,

Енгурче зарыл нос в сухой моховой дёрн и закрыл глаза.

Когда сквозь глубокий сон Енгурче что-то привиделось давнее, он приподнял отяжелевшую голову и увидел звёзды...

Звёзды весело вылетали и порхали в тёмном небе. И ему показалось, что он даже заметил жерди дымохода вадун нима. А вот и дети щекочут ему уши, но почему-то руки у них крепкие и ногти остренькие...

Молодой волчонок, испугавшись приподнявшейся отяжелевшей головы собаки, разжал пасть и отскочил прочь. Подошла старая волчиха, натаскивавшая свой выводок. Она обнюхала труп собаки, при-

Николай КУРИЛОВ

Неподалёку от Ледовитого океана

Рассказы

Худ. — Н. Курилов. Моя родина. Шариковая ручка

ин принёс. Да, конечно, запомнились его шершавые, как весенний снежный наст, от тяжёлого труда руки. Их ни с чем не спутаешь даже во сне.

Енгурче с большим усилием поднял себя передними лапами. Присел. Посмотрел на вадун нима — жилище хозяина: как звёздочки, из дымохода вылетают искорки... А, может, наоборот, звёздочки туда залетают?..

Енгурче глянул вверх, на небо: оно осеннее, безоблачное — звёзды искрились, но цвет у них был холодный, как ночной зимний снег при луне. Да, звёздочки вадун нима кажутся намного теплее, и к тому же, они пахнут юколой, что коптится на жердях, над очагом...

Ещё раз обнюхав платочек и оправу очков, а затем лизнув холодные потроха, Енгурче повернулся в сторону тундры, поволил носом и, повинуясь внезапному побуждению, затрусил мелкими шажками прочь со стойбища Хозяина.

Он услышал, как резко забрехала собачка Хозяйки, но тотчас, видимо, узнав, замолчала, напоследок несколько раз чихнув.

Запах осенней тундры был влажный. Острый. Пах багульником. Остальной запах исчез или на старости лет, и другие, знакомые с детства запахи потеряли остроту. Только запах багульника и человека остались: запах тундры и двуногого друга,

как зимний лёд, воздухом. Он ещё знал, что далеко ушёл от вадун нима Хозяина. Собачья интуиция всё ещё безошибочно определяла: вокруг него теперь нет домов, нет друзей, нет, пусть и остывшей, миски с рыбными потрохами...

И всё же он шёл вперёд с той настойчивостью, с какой, спасая в снежные пурги и метели себя и Хозяина, одним чутьём он прокладывал спасительную тропку, ведущую к людям, к теплу...

Где-то здесь!

Енгурче остановился. Он почувствовал, как напряглись дрожащие и уставшие ноги, а на холке вздыбилась шерсть. Но сделал ещё три-четыре шага вперёд, ослабил и задышал так часто, что даже поперхнулся. «Теперь-то вадун нима очень далеко!» — подумал он и лёг под густой и мелкий тальник на берегу невидимого ручейка, журчавшего впереди. Здесь было сухо, тепло осеннего солнца ещё не выдуло северным ветром, и старого пса потянуло в сон.

Ему почудился запах детского платка и даже прикосновение мягких пальчиков Татора, которые щекотали его сухой нос. Всё встрепенулось в Енгурче, и ему захотелось обратно к Хозяину и его детям. Но он понимал: силы на исходе, да и не затем он шёл сюда, чтобы потом возвращаться под колючим северным ветром.

села рядом и тоскливо, протяжно завывала. Испуганный выводок начал в разнобой подвывать матери.

Чучуна

Случилось это лет двадцать пять назад. Возвращался я как-то на свой охотничий участок из посёлка — сдавал там шкурки песцов, да ещё и на празднике побывал. Дорога была дальняя. И я был рад, что в попутчики ко мне попросился старый друг Семён-ама: его стадо паслось недалеко от моего участка.

Выехали мы после вечернего чая. Было темно — стояла зима, а зимой тут круглые сутки — ночь. Несмотря на это, моя собачья упряжка бежала уверенно: дорога хорошая, наезженная, укатали её, отправляясь на праздник и возвращаясь с него. Погода стояла спокойная, попутчик у меня — не соскучишься, а что может быть лучше доброго друга, когда впереди дорога долгая?! Время с ним летело незаметно.

Вот мы уже вынырнули из леса, запетляли по тундре среди сопки. А друг мой, не умолкая, рассказывает одну историю за другой. То о юности своей, то о разбое белобандитов, когда в тундре Советскую власть устанавливали. А то о чучунах од-

ноглазых, одноногих — бродячих привидений. Многие раньше верили в их существование...

Даже моя мама, которая, как мне казалось, была атеисткой, не отрицала, что есть чучуна, частенько рассказывала, как однажды ночью (когда она совсем молодой была) чучуна украл у них из тордоха² всю юколу. Мы-то, конечно, не верили ни в каких чучун. И просто припоминали разные истории, рассказанные стариками.

Друг мой так вошёл в раж, так разговорился, что мне стало казаться, будто я слушаю бесперебойное радио. Даже словечка вставить не удавалось. Да я особенно и не рвался. Пусть говорит.

Хорошо нам было. Однако настала пора остановиться: собакам надо дать отдых, и самим поразмяться. От долгого сидения затекли ноги и спины. Я затормозил упряжку у подножья одной из сопки. А собаки вместо того, чтобы залечь, засуетились, стали принахиваться к той стороне, куда лежал наш путь.

— Наверное, кто-то едет оттуда, — предположил Семён-ама. — Пойду-ка я вперёд, встречу путника, узнаю новости.

У нас в тундре всегда рады встречному: ждут от него новостей.

— А ты, Апо, как собаки отдохнут, двигай за мной, — рассудил Семён-ама и пошёл по дороге.

Собаки полежали совсем недолго. Чужа, что впереди их ждёт что-то знакомое, они вскоре подскочили, заторопились в путь. Мы тронулись. Я сидел, готовый в любой момент уступить дорогу встречной упряжке, дать ей проехать, не зацепившись за нас.

Но из-за сопки прямо на моих собак выскочил возбуждённый Семён-ама. Он что-то кричал и отчаянно размахивал руками. Я еле успел увернуть упряжку, и нарта тотчас села в глубокий снег. А Семён-ама, не останавливаясь, промчался мимо. Что это с ним?..

И собаки засуетились, завизжали, почувяв какую-то опасность. Ружьё, как назло, за ненадобностью Семён-ама затолкал глубоко — оно мешало ему сидеть и теперь было зарыто где-то среди вещей. А что, если мой друг вдруг столкнулся с белым медведем? Они иногда забредают к нам в тундру с Ледовитого океана.

Я вскочил с нарты, стал лихорадочно искать ружьё.

Гляжу, друг возвращается, но при каждом вздохе из горла его вылетает сплошное силенье. Говорить он не мог. Видать, сильно перепугался чего-то.

Я вытащил ружьё, и, пока Семён-ама приходил в себя, принялся выводить из сугроба упряжку. Собаки жалась к моим ногам, запутывая постромки. Я взялся за вожак — тут и Семён-ама подскочил и стал мне помогать, поминутно хватая снег и запихивая его в рот.

— Зачем так много ешь снега? — одёрнул я его. — Губы распухнут.

Друг только отмахивался свободной рукой. Он так усердствовал, что упряжка оказалась повёрнутой назад — не в тундру, а к посёлку. Мне пришлось заводить собак в обратную сторону.

— Чучуна идёт! — просипел мне на ухо друг, когда голос немного прорезался. — Едем назад!

— Какой чучуна? В наше-то время... Не стыдно тебе? — возмутился я.

— Чучуна! — хлопнул он себя в грудь. — Сам видел. Идёт — огнём полыхает, сильно шумит.

— Наверное, покойник курит. Табаку ему подбросили. Вот он и курит на радостях, а? — стал я подтрунивать над другом, которому померещилось привидение — чучуна.

У нас раньше так хоронили: просто увозили тело подальше в тундру. Могил не рыли. Вечная мерзлота! Землю трудно долбить, она, как цемент, скована льдом. Старые люди до сих пор верят в загробную жизнь. Время от времени приносят к костям своих покойных родственников разные гостинцы: чай, табак, мясо сушёное.

— Какой покойник? Кто хоронит на болотах? — всерьёз отвечал мне Семён-а-

ма. — Слышишь? — насторожился он. — Урчит, сюда идёт. От его огня я там чуть совсем не ослеп.

Собаки отчаянно залаяли. А тут и я услышал странный шум, похожий на выстрелы из дробовика. Они то усиливались, то затихали — видно, кто-то двигался среди скал, скрывавших звуки. Вскоре мы увидели вдали яркий свет, словно на землю опустилась звезда. Свет то пропадал за скалами, то вновь появлялся, явно приближаясь к нам. Такой сильный свет в темноте, к тому же самостоятельно передвигавшийся, мы с другом видели впервые в жизни. Поневоле в голову полезли всякие мысли о чучуне! Ну что ж, сразимся с ним — нас всё же двое, да ещё и собаки помогут, не дадут хозяев в обиду. А вдруг чучун много?..

Я повернулся к другу: он лежал на нарте лицом вниз, совершенно неподвижный. Уж не плохо ли с сердцем? Я взял его за плечо и перевернул на спину.

— Чёрт! Чёрт! — заорал Семён-ама, как ужаленный вскочил на ноги и толкнул с силой в грудь. — Чёрт!

Я обнял друга и увидел, что глаза его крепко зажмурены: старики говорили, если кто посмотрит на чучуну, то от его огненного взгляда навсегда потеряет рассудок.

— Семён-ама, это я, Апо...

Он приоткрыл левый глаз, убедился, что перед ним действительно я, открыл другой. Но, услышав приблизившийся шум из-за скалы, бросился что есть духу бежать. Я за ним. Скоро он свалился в снег, обессилев от страха. Я схватил его, стал

трясти, поднимая друга на ноги. Он опять приоткрыл один глаз, увидел меня.

— Где они?! — закричал в ужасе.

И в это время опять появился из-за скалы огонь. Он бегал и шнырял, как длинный солнечный луч, только холодный, то вправо, то влево, а то уляжется на дороге, и всё это с шумом, пальбой. Вот уже приблизился к нам на расстояние двух бросков маута. Вот уже яркий свет ударил нам прямо в глаза, совсем ослепил. А потом вдруг разом погас, шум смолк. И мы услышали в темноте человеческую речь...

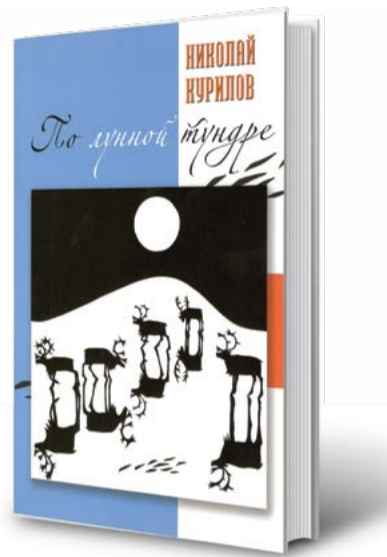
Так мы встретились с первым в тундре трактором, которого мы, наслышавшись о нём, давно ждали в нашем далёком северном посёлке.

¹ Семён-ама (юкаг.) — букв., отец Семёна. Так юкагины называют главу семьи по имени старшего сына или старшей дочери.

² Тордох — летний домик из ровдуги.

Гнёзда

Старик Пэкэль шёл в гости к старухе Мохиче, дальней родственнице по матери. Жили они на разных концах посёлка. Старик шёл, опираясь на посох, который звал третьей ногой. Не спеша ступал он, опираясь на свою деревяшку, по влажному посеревшему весеннему снегу. Как подобает почтенному старику, Пэкэль держал путь прямо к цели, не заворачивая никуда, не

останавливаясь, не глазел по сторонам, как это делают молодые. Чего озираться? Много лет живёт Пэкэль в посёлке, всё знает, что где стоит, и кто как живёт. А если встретится человек, пусть сам подходит к старику. Таков обычай северян.

Третья нога Пэкэля была когда-то белым крепким тальником. Росла в тундре, на берегу большой реки, а начиналась река в лесном озере. Многие километры несёт она свои воды через тайгу, потом через тундру в холодное море — Великий Ледовитый океан. На берегу этой реки, в тундре, родился когда-то давно Пэкэль, единственный сын оленевода-середняка.

Третья нога была из того далёкого прошлого, из его тундры.

Пэкэль мог рассказать, на какой излучине реки он срубил тальник для посоха, когда собрался навсегда покинуть родные места. Мог рассказать, кто жил в тех краях, какие страсти кипели там в старину. Только вспоминать всё это было уже не с кем: его сверстников не было в живых, и жена давно покинула Пэкэля, отправившись к «верхним людям». Он и сам начинал иногда поговаривать, что скоро встретится с ней, тогда-то уж они наговорятся о прошлом. Близится та пора: Пэкэль частенько стал видеть жену во сне. Дочь, у которой он жил, конечно, не принимала всерьёз его слова, но для приличия, чтобы не обидеть старого отца, всякий раз вздыхала.

...Пэкэль интуитивно почувял, что приближается к дому старухи Мохиче. Сейчас он поднимет голову и увидит её в дверях. Она, конечно, сидит у окна, смотрит на улицу (что ещё, старой, делать?), а заприметив издали Пэкэля, приковывает на порог, торопясь его встретить.

Пэкэль остановился, вынул платок, вытер глаза, слезившиеся от весеннего ветра; высморкался, спрятал платок и с видом значительным (как-никак старуха моложе его) поднял голову.

Сердце его тревожно ёкнуло: он так постарел, что сбился с пути и вышел к пустому берегу реки? Старик огляделся. Нет, не ошибся. Всё на месте. Соседние дома, как были, так и стоят. И столб с электри-

ческим проводом тут же. Но дома старухи Мохиче нет как не бывало!

...Кхм! Что за ерунда? Только что в мыслях своих он видел этот дом, как наяву. А теперь глаза потеряли его, ищут и не могут найти. Прямо как в «пантасиях» внука (никак не мог он выговорить это мудрёное слово, означающее мечтание).

Почувствовав усталость, старик опустился на снег. Вынул кисет и выдавшую виды трубку из лиственничного нароста. Закурил.

Первая же глубокая затыжка просветлила голову. «Видно, сломали, — сообразил он. — Трухлявая была избушка». От второй затыжки он вспомнил, что дочь на днях говорила: «У бабушки Мохиче будет новоселье». Совсем глупым стал от старости. Пора к «верхним людям». Сидел у окна, ворошил про себя что-то давнее. Нет бы прислушаться, спросить у дочки, куда перебирается Мохиче. Не тащился бы сейчас сюда. Направился бы прямо в новый дом, пил бы уже чай в гостях, а не сидел на снегу. Где теперь искать старуху? Поди, угадай, домов-то вон сколько настроили, да ещё и в два слоя, друг над другом!

Дом Мохиче, видно, на дрова разобрали, ни щепочки не осталось, подумал Пэкэль, и, кряхтя, поднялся, опершись на третью ногу. Придётся возвращаться домой, так и не повидав Мохиче. Напрасно он проделал такой длинный путь!

Вдруг Пэкэль заметил невдалеке на рыхлом снегу чёрное пятнышко. Пригляделся — какая-то странная чашечка. Дотянулся до неё третьей ногой, подцепил, поднял — птичье гнёздышко!

«Тоже дом», — подумал Пэкэль, грустно вертя в руках гнездо. Во все концы разметала их судьба. Одни где-нибудь в тундре сидят сейчас на жердине одинокого вадун ние — дома, песнями радуют пастухов. Другие порхают вокруг палатки рыбаков на берегу реки в ожидании улова вместе с людьми, вроде рыбачат. Третьи встречают путника в дороге песней, скрашивают его утомительный, монотонный путь. И не знают, не ведают птицы, что родной их дом свалился, рухнул.

Надо бы поднять его опять на крышу, но как? — подумал старик Пэкэль, поднял голову и ... тьфу: дома-то нет, и крыши нет! Вот беда-то. Ладно, старухе Мохиче дали новый дом, не бросят на улице. А этот домишко куда пристроить? Оставить здесь? Кто его знает, какой человек пойдёт мимо? Ещё наступит нечаянно, а то и нарочно раздавит. Люди-то изменились. Сгрудились в посёлки, ушли от природы, очерствели к ней. Хоть бы тальниковый кустик какой был поблизости! Положил бы на него. Может, заметил бы гнёздышко добрый человек (не все стали плохими, чего напраслину наговаривать) и перенёс бы на крышу или в тальниковые заросли за посёлком.

Старик Пэкэль топтался на месте, не зная, как быть. И вдруг стукнуло ему в голову: третья нога! Как-нибудь дотащусь до дома на своих двоих!

Он не боялся, что кто-нибудь заберёт его посох. Все в посёлке знали третью ногу старика Пэкэля, знали, откуда она, что значит.

Старик подошёл к столбу, воткнул рядом с ним в подтаявший снег третью ногу, как в распорке пристроил гнёздышко. Облегчённо вздохнул и заковылял домой.

Наутро он вернулся сюда с внуком. По заданию деда мальчик побегал окрест — нашёл за посёлком на краю оврага подходящие тальниковые заросли. Старик Пэкэль захотел сам пойти туда с ним. Опираясь на посох, он перенёс гнёздышко к тальникам и своими руками устроил птичий дом самым лучшим образом.

По весне в овраге бойко зажурчал ручеёк. Поселилась в гнезде птичья семейка. Долгие годы ещё маленькие хозяева нет-нет да подправят домик. И вылетает из него в положенный срок одно поколение птенцов за другим.

Ну а овраг с тех пор зовётся Пэкэлева нога.

Аксаковский десантный батальон

Накануне Великой Победы «броневой десантный поэтический батальон» Оренбургского областного литобъединения им.С.Т.Аксакова совершил творческий марш-бросок в сторону Оренбургского областного оздоровительного центра «Марсово поле»

В качестве обмундирования мы приняли форму, в которой воевали наши деды и прадеды. А в качестве боевых единиц — стихотворения поэтов-фронтовиков, которые до обидного мало сегодня популяризируются, незаслуженно замалчиваются и задвигаются в тень. А ведь они, по сути, являются гордостью отечественной литературы: Николай Старшинов, Александр Яшин, Сергей Орлов, Александр Межиров...

Каждый участник читал сначала стихи поэтов фронтового поколения, а потом — свои авторские. Это был взгляд из современной эпохи на легендарные события Великой Отечественной войны. Мы не стали «распределять» стихи, решив, что будет лучше, если выберут то, что ляжет на душу.

Идея окупиться в стихию поэтического фронтового слова была озвучена ещё зимой поэтессой Еленой Кубаевской, кото-

рая призналась, что последнее время её настольной книгой является Антология поэзии фронтовиков «До последнего дыхания» советского издания. Некоторые молодые поэты, к примеру, Наталья Кукушкина, были настолько впечатлены

поэзией военного времени, что выбрали сразу несколько...

Особенно удивила публику юная Ксения Мотыженкова, когда «довела» публику до слёз, с чувством прочитав наизусть отрывок из гениального рассказа Михаила

Шолохова «Судьба человека»...Творческая переключка нынешних поколений авторов (а в нашем вечере участвовали поэты-аксаковцы, как минимум, трёх поколений) очень важна для сохранения преемственности времён и эпох, ведь без этого не бывает единой и сильной страны.

Так получилось, что наш боевой творческий батальон выдался сугубо женским. Приехавшая из Оренбургского района Камас Битымова, приехавшая специально для участия в мероприятии из Беляевского района Оренбуржья Валерия Донец, Наталья Кукушкина, Елизавета Курдикова... И совсем юные — Катюша и Ксения Мотыженковы, которые помимо авторских стихов и произведений поэтов-фронтовиков приготовили для зрителей три тематических военных танца — «Синий платочек», «Катюша» и «Победный вальс», исполнив их под бурные аплодисменты зала.

С центром «Марсово поле» Аксаковское литобъединение сотрудничает сравнительно недавно, но весьма насыщенно. Как очень позитивный фактор, мы отметили, что количество публики в уютном зале центра неизменно растёт: читатель соскучился по настоящим стихам! Благодарные бурные аплодисменты и вопросы: «А когда вы ещё к нам придёте?» — наглядное тому подтверждение.

Диана КАН,
фото автора

Тотальный «диктатор»

Весной по всей стране прошёл ежегодный Тотальный диктант. На этот раз, чтобы улучшить организацию громкой акции, сменили команду, ответственную за её выполнение. И что же она улучшила?..

Москвичи, пришедшие «на экзамен» — участники тотального диктанта, получали на память мелкие сувениры: значки, ручки, блокноты, призванные создать праздничную атмосферу. Звучали восхваления русского языка. И вместе с ними рождались вопросы... Что же стоит за этой сомнительной пестротой?

Цель тотального диктанта — повышение уровня грамотности, которая упала в нашей стране до невероятных размеров. О причинах говорить слишком долго, это другая тема. А вот по поводу того, что на самом деле представляет собой упомянутый диктант, — возникают некоторые мысли.

Из часа, отпущенного на написание диктанта, половина ушла на просмотр рекламы, которую тщательно подготовили организаторы. Мы подробно узнали, кто поставил для этой акции бумагу, кто ручки, кто скрепки и всевозможные канцелярские принадлежности. Кто, откуда, куда и на чём перевозил все эти товары. Затем нам сообщили главную новость дня — о победоносном шествии «Тотального диктанта» и завоевании новых аудиторий и привлечении к этой акции широких масс! С экранов мониторов все поздравляли всех с радостным событием и желали успеха в грамотном написании текста.

Интересно, что в этом году просмотренный перед диктантом видеоролик напомнил нам только об одном правиле грамматики, которое встречается в подготовленном тексте. В шуточной игровой детсадовской форме, дурачась, это правило озвучил с экрана преподаватель русского языка.

Хотя, кажется, для пользы дела, лучше было бы потратить всё те же полчаса времени не на просмотр рекламы, а на повтор

правил и орфограмм. Безусловно, никто не отрицает индивидуальную подготовку к диктанту. Но уж, коль так пиарить акцию «Тотальный диктант» и его благую цель — повышение уровня грамотности населения, то можно хотя бы из приличия придать больше видимости заботе о пунктуации и правописании в русском языке. Но тут встаёт вопрос, что важнее: реклама или всеобщая грамотность?! Выбор организаторов очевиден. Ликбезом они не занимаются. У них другие цели и задачи...

И такие мысли возникают неспроста. Услышав текст диктанта, приходишь в

ужас от того, что сейчас записывают все испытываемые от мала до велика. К слову сказать, за человеком, диктующим текст, прочно закрепилось название «диктатор». Хотя, как нам поясняют с экранов мониторов, это в шутку, а всё-таки в русском языке понятие «диктатор» имеет своё совершенно конкретное значение. Не слишком ли много шуток, когда речь идёт о

катастрофической безграмотности?! Разве не требуют занятия русским языком, да и вообще любой наукой, собранности, серьёзности и сосредоточенности?! Люди старшего поколения, наверное, помнят, как учителя настраивали учеников перед контрольной работой или экзаменом.

Но вернёмся к теме диктанта. Нам достался текст с заголовком: «Часть 3. Павел Валерьевич Басинский. Ловец душ».

Текст этот можно охарактеризовать как мини-эскиз на тему пьесы Алексея Максимовича Горького «На дне». По мнению автора, смысл пьесы «На дне» сводится к трём словам. «Человек — это звучит гордо!» — скажете вы первое, что приходит на ум. Ничуть не бывало. «Испортил песню... дурак!» — отвечает нам автор диктанта. Основная задача этого эскиза, похоже, свести идейное значение пьесы Горького к нулю, полностью переиначив. Дать современную трактовку — и обесценить пьесу. Высокая мысль и заложенное в ней стремление драматурга вытащить человека из грязи, вера

в возможность сделать его лучше и чище, нравственно, духовно и физически совершеннее — в современном мире, выходит, стали неактуальны. А ведь когда-то эта идея вдохновляла целые поколения. Горьковскую мысль о том, что слова, не подкреплённые делом, — это зло и пустозвонство, «современный критический взгляд» Басинского обходит стороной.

Хорошо придумано: вроде бы верно перечислив факты и события пьесы, просто сделать противоположный вывод. Очень удобно, вырвав фразу из контекста, придать ей нужный смысловой оттенок, и только знающий пьесу, понимает, какая трагедия, какая боль стоит за этими тремя финальными словами, какой в них заложен подтекст, и как горько звучит авторская мысль. Какое опустошающее потрясение происходит в душах героев!

А если учесть, сколько раз во время диктанта звучит текст, и в авторском исполнении (два раза), и в прочтении «диктатора» — каждое предложение повторяется не менее четырёх раз! — то можно представить, как прочно вдалбливаются эти тексты в головы людей, как врезается в память новейшая идеологическая мысль. Как тонко ведётся либеральная пропаганда и ловкая работа по вредоносному обескультуриванию. И с этой точки зрения слово «диктатор» здесь более чем уместно, вполне себя оправдывает, мы, наконец, добрались до его диктаторской сути: диктовать новую волю, новые законы, насаждать новое учение.

Совсем как в пьесе Горького, только уже со знаком минус — создаётся человек нового типа среди обилия слов и шуток! Заболтать, засмеять, обесценить и выкинуть за ненадобностью! Главное, подурочиться на славу!

Почему бы поборникам всеобщей народной грамотности просто было не обратиться к тому же Алексею Максимовичу Горькому и не выбрать для диктанта отрывок из его произведения — но нет, говоря современным языком, в этом нет прикола! Не оригинально. И ничего новенького!

Когда-то в каждой школе, в каждом классе истории перед глазами учеников висел портрет Михаила Васильевича Ломоносова, а ниже приводилась его цитата: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего»...

Светлана ВОЛОШИНА

Книга «Не в своей шкуре» Михаила Тарковского ещё в марте вышла в библиотеке альманаха «Тобольск и вся Сибирь». А на днях её автор стал лауреатом Патриаршей премии, то есть был признан одним из лучших писателем современности. Вот мы и решили представить вам лауреата глазами его коллег и читателей.

Человек в лесу

Дмитрий ВОЛЮДИХИН, историк, писатель:

— В оценке писателя Михаила Тарковского легко ошибиться. Легко воспринять ту часть его творческой манеры, которая на поверхности. Писатель-охотник. Живёт на краю цивилизации, можно сказать, на отшибе социума, для природы — свой, для леса — почти родной, для мегаполисной культуры — потерянное дитя.

Капканы, глухари, соболя, зайцы-ушканы, снегоходы, тозовки, псовые домики-кутухи и мощный «сохат». Таёжно-охотничий мир представлен в изобилии. Но... это всего лишь пёстрое «оперение» творческой манеры Михаила Тарковского.

А то, что он стоит на плечах «деревенщиков», и то, что он вскрывает «кризис национальной идентичности» (так пишет автор послесловия к книге Н. Вальянов), — всего лишь платформа для его творчества, фундамент её да кирпичики первого этажа, доведённого по высоте едва ли до середины.

Основная категория творчества Михаила Тарковского, во всяком случае, если

И собачушки родные платят Старшому благодарностью: когда человек ведёт себя правильно, всё в мире ведёт себя правильно.

Федя, центральный персонаж повести «В чужой шкуре», тем и не похож на своих фундаментальных братьев, живых столпов мира, что рысклив. Ни вера в Бога истинного Иисуса Христа ему не указ, ни теплота жизни семейной, ни стыд перед иными людьми.

«Федя к вере предков относился в отличие от братовъёв расслабленно, за что и имел серьёзные с ними беседы. Дошло, что, когда они собирались, за стол свой не садили, а ставили гостевой буквой Т к иконе. Там Федя и сидел вместе с гостями. Как мирской. А упрекали за излишнюю рыскливость».

Конечно, Федя к собачьему миру теплохладен, он меньше человек, чем надо. Ему по устройству личности хищный соболёк куда ближе, чем верный пес: «Неутомимый рыскун, без глупостей живёт, лишнего не делает, как собака не привередничает, морду не воротит, всё

Но «сидела в нём и грусть по жене и сыну, и сочувствие, и нехватка близости...». Этот зов семьи выправляет его, выводит из «соболиного морока». Значит, ещё не пропал человек. Есть ещё свет из глубин, скверну преодолевающий...

Книга Михаила Тарковского оформлена роскошно, на зависть столичным маститым писателям. Тут благодарить надо фонд «Возрождение Тобольска» во главе с А.Г. Елфимовым: к созданию сборника подошли так, чтобы книгу приятно было взять в руки, тонко сделано. И внутри — медальон, жемчугом усыпанный, и одно соответствует другому сутью своей, «тонкостью выделки».

Горит, горит, костёр!

Игорь КОСТИКОВ, журналист, Красноярск:

— Книга Михаила Тарковского «Не в своей шкуре» делает читателя душевно сопричастным к происходящему. С большой силой своего таланта автор обращает наше внимание на любовь к своей земле и людям.

Наглядность, попадание «в десятку» в том, что в этой книге — оказались рядом две повести: «Не в своей шкуре» и «Что скажет Солнышко». По силе из написанного в наши дни трудно что-то поставить рядом с ними, разве что написанный следом «Поход».

В этих двух повестях сказка — часть нашей жизни. Ведь родной язык даётся нам вместе со сказкой, чтобы потом мы могли узнавать необычное и прекрасное. Михаил Тарковский нам эту истину напоминает. Встаём на неведомую дорожку, идём по следам введомых и неведомых зверей. Крохаль, в слое воды проныривающий под лодкой, головёшками — головы глухарей из травы, поблескивающий новый капкан — невеста что для всех таящий, и даже

ржавые фермы буровых в болоте, через которые пробирается человек, он же будущий соболя. Всё — самое яркое, достоверное, и как раз от этого — загадочное и заманчивое. И как(!) в «Не своей шкуре» автор подводит героя и нас к этой едва неуловимой, зыбкой грани явного и неявного, грани превращения — когда герой заглядывает в пустое гнездо как во что-то не просто чужое — потустороннее. Кому-то, кто видел птичьи гнёзда, может вспомнить это чувство.

Про «стиль», «мастерское владение» — как-то рука не поднимается написать. Проще признать, что исконный, полнокровный русский язык — часть авторской сущности.

И про возвращение ещё. Человек превратился в соболя, но всё равно тянет его домой, к родным. Отношения между собаками, говорящими между собой, не столько зверские, сколько братские. В тайге мужики — каждый у своей рации, но согреты общим разговором. И разговор, вроде, об одном — ружьё, лыжи, снегоход. Горит, горит, костёр, зажжённый Михаилом Тарковским. Хочется верить, будет ещё светить и народ собирать.

Ай да Михаил Александрович!

Галина КРИВЦОВА, Москва:

Книга Михаила Тарковского «Не в своей шкуре» приятным, тяжелым фолиантом ложится в руки и сразу возникает диалог с дизайнером, художником и автором.

Книга красивая, дорогая, всё в ней изящно оформлено, обложка вызывает восхищение: сама атласная, в сдержанном тоне, она согревает руки читателя.

Иллюстрации — чудо из чудес, видно, с каким интересом Вадим Горбатов читал повести Михаила Тарковского, как увлечён был сутью. Герои на иллюстрациях очень красивы: на развороте Глухарь с Сободем летят, а под ними разворачивается бескрайняя Сибирь, такая могучая, дух захватывает!

Проза Михаила Тарковского сочная, правильная, русская, я отметила это ещё по его «Замороженному времени». Ай да Михаил Александрович, вот порадовал повестями! Ай да издатели! Спасибо за книгу.

Так на века строились русские храмы

Николай АЛЕКСАНДРОВ, руководитель издательского Дома «Историческое наследие Сибири», Новосибирск:

— В России книга всегда была больше, чем просто носителем печатной информации. Она была чем-то священным, это средство мировоззренческого влияния на человека и его нравственного формирования. Книгу М. Тарковского «Не в своей шкуре» я назову коллективным произведением высокого искусства.

Художник Вадим Горбатов, очевидно, самодостаточный и характерный человек, но именно недюжий талант позволили ему создать рисунки столь гармоничные тексту и дополняющие содержанием книгу безусловно талантливого Михаила Тарковского. На столь крепкий и верный союз способны только очень самостоятельные люди, обладающие собственным мировоззрением и мировосприятием, внутренней свободой и полной независимостью.

Есть ещё один человек, который соединил всё в единый и монолитный образ, в книгу, это дизайнер Василий Валериус, который будто спаял и увековечил, — так на века строились русские храмы.

Признаюсь, такое сочетание самодостаточных и талантливых людей бывает редко, а потому считаю книгу Михаила случаем особым и счастливым.

судить по повестям «Не в своей шкуре» и «Что скажет солнышко?», может быть названа «невидимым законом». Лес — место, где невидимый закон проявляется с особенной силой. Человек, охотник, идёт по лесу как хозяин, ибо человек — хозяин мира, поставленный на хозяйство самим Богом. Ему должно любить мир и всё, что есть в нём, особенно же ближних своих; ему должно мир обустроить и хранить от порчи, искажений; ему должно отринуть пустую корысть и принять ответственность за свои поступки и за судьбы малых сих, ему подчинённых.

Собачий мир — иной, отличный от человеческого, но всё же ему глубоко родственный и прочно с ним связанный. Вот кобель Серый, главный герой повести, рассказывает о том, до какой степени близок к своим собакам охотник Старшой: «Каша была хороша: овсянка с отличной варёной шуккой, с разлившимся внутренним жиром и с хайризовыми головами. Думаю, Старшой сам бы её с удовольствием слопал. Кстати, однажды он сварил себе и нам по одинаковой кастрюльке рыбы и запутался, где чья...»

метет — и рябину, и шиповник, и мыша, и белку — и на рыбу даже идёт, а летом и козявку замесит, тут к бабке не ходи. Так что ещё подумать надо, ха-хе, в чьей шкуре-то грамотней...»

Лес для Феде — разбитая копилка: «В тайге его будоражило единственное: вокруг столько дармового, неучтённого, волшебного живого, что можно пустить в свою пользу, продать или обратив в закуску и раздать нужным людям. И что можно превратить столько-то оленей, соболей или рыбин в снегоход или лодку. Или машину. И довершалось это умением не только добыть, а ещё и пристроить. Это и давало азарт, и становилось целью, и нарастало самолюбием, что, поди, руки-то из места растут, и добыть умеем, и договориться, и отношения выстроить с миром, пусть грешным, но нужным. И вообще мы мужики крепкие, у нас и дома всё крепко, так что перед людьми не стыдно. И жена — тоже часть крепости...»

Вот он и оказывается в чужой, нечеловеческой шкуре. Бежит по лесу, крадёт чужое, нажирается, веселится, от долга и обязанностей свободен, никто ему не указ...

К 125-летию со дня рождения основоположника
туркменской советской литературы Берды Кербабая

Летописец страны белого золота

Не одно десятилетие и, главным образом, в 50-70-е годы прошлого столетия этого рослого, статного, с идеальной выправкой и доброй улыбкой, а в более поздние годы жизни и с благородной сединой сына древнего туркменского народа прекрасно знали во всей огромной советской стране. Признанного и любимого народом писателя, общественного деятеля, академика, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии и в его родной республике, и во всем Советском Союзе, справедливо воспринимали как одного из самых значимых и видных представителей национальных культур. В год сто двадцати пятилетия со дня его рождения и сорокалетия ухода из жизни, незабываемый образ замечательного самолюбного писателя вновь увлекает нас в странствие по волнам доброй памяти о нём

В многонациональной советской литературе Берды Мурадович Кербабая известен как основоположник советской туркменской литературы, человек удивительной судьбы, многогранного и самолюбного таланта, кипучей, созидательной энергии. За долгие годы литературного труда он выступал во многих жанрах — писал рассказы, повести, романы, пьесы, лирические стихотворения, поэмы, книги для детей, литературоведческие исследования, статьи о своих товарищах по перу, готовил многочисленные переводы на туркменский язык с русского, татарского, азербайджанского, узбекского, персидского языков. Именно он познакомил свой народ с произведениями Грибоедова и Крылова, Пушкина и Лермонтова, Льва Толстого и Горького, Омара Хайяма, Айбека, Мусы Джалиля и Мирзы Ибрагимова. Крупными, отобразившими эпоху полотнами стали его романы и повести «Решающий шаг», «Айсолтан из страны белого золота», «Небит-Даг», «Чудом рождённый», «Капля воды — крупица золота».

Приход в литературу не был для него простым и безоблачным. Очень многое пришлось ему испытать в молодые годы, в то бурное время слома старого, отжившего, но яростно сопротивлявшегося мира и борьбы за мир новый, справедливый, без векового угнетения, бесправия, бесчестия и нищеты.

Родился Берды Кербабая в семье бедного неграмотного крестьянина, происходившего из древнего текинского рода, в ауле Коуки-Зерен Теджанского уезда Закаспийской области. И вряд ли бы его судьба — самого что ни на есть простого сына туркменского народа, если бы не закономерный приход Великого Октября, сложилась так, что он, потомственный бедняк в забитой, бедной, малограматной царской провинции, добился тех высот, которые были в его жизни.

В автобиографическом очерке «Путь одолевает идущий» писатель напишет: «Почти до девяти лет... даже не слышал... о школе. Ни в нашем ауле, ни в близлежащих селах её не было. Но мой отец задался целью обучить одного из своих сыновей грамоте. Однажды он повёз меня к своему знакомому, проживавшему вдалеке от нас, и оставил меня у него, чтобы я учился в тамошней школе.

Школа, в которой я впервые начал общаться к культуре, представляла собой сырую глинобитную мазанку, кое-как покрытую хворостом и травой. От влажных дров, разжигаемых в очаге помещения, валил густой едкий дым. И если половина его поднималась высоким столбом через отверстие в крыше, то остальная половина пропитывала одежду и тела учащихся. Дети непрестанно вытирали глаза грязными руками не от избытка набожности, а из-за этого едкого дыма.

На двойной кошке посредине мазанки гордо восседал бородатый жирный мулла... У него под рукой лежала целая охапка

свежесрезанных ивовых прутьев, являвшихся нашими первыми «учебными принадлежностями». Естественно, в таких условиях «учёба двигалась также медленно, как стоячая вода от легкого дуновения ветерка».

Но в начале XX века в Туркмению из разных городов России стали проникать газеты и журналы, оказавшие значительное влияние на культурное развитие региона. Подпал под это влияние и Кербабая. В нём, как он скажет сам, «укоренилась горячая любовь к литературе. Это пламенное увлечение продолжало расти и тогда, когда я в 1915 году переехал в Бухару, хотя официальным занятием моим являлась религия». С большим удовольствием, учаю в Бухарской духовной семинарии, читал он книги арабских и персидских классиков, хотя в то же время появился у него интерес и к русской литературе. «В дни пребывания в Бухаре я со своими единомышленниками тайком посещал квартиру одного учителя-татарина, где мы изучали русский алфавит... Знания давались нелегко. В пору фанатической веры в устои ислама жизненные соки молодых людей месяцами и годами высасывались религиозным тарантулом. Тёмные и сырые кельи, напоминавшие мрачные подземелья, отнимали у юношей остатки сил, бодрости, обескровливали не только души, но и тела слушателей. И как только я избавился от этих узких мрачных конур, похожих на могилу, то очутился в бурном потоке исторических событий, революции и гражданской войны...»

В те молодые годы он начинает писать сатирические стихи. С 1924 года его первые литературные пробы публикуются в печати. Занимаясь редакторской деятельностью в газете «Туркменистан», журнале «Токмак» и Государственном издательстве Туркмении, в 1924-1926 годах он собрал и подготовил к изданию первый сборник стихов великого туркменского поэта XVIII столетия Махтамкули. Исследованием творчества этого виднейшего поэта и философа, Б.М. Кербабая будет заниматься и в более зрелые годы.

В 1927-1928 годах, по направлению ЦК КП(б)Т Кербабая учился в Ленинградском институте востоковедения.

В конце 20-х — начале 30-х годов выходят первые крупные поэтические произведения Берды Кербабая: поэмы «Девичий дар», «Закрепощенная, или Жертва адата», «Ранней весной», «Высохшие губы», «К новой жизни». В них он выступает против феодально-байских пережитков, за раскрепощение туркменской женщины и торжество новых социалистических отношений между людьми, как в семье, так и в обществе, за утверждение подлинной морали.

С 1930 года он всё больше времени начинает уделять литературному поприщу. Тогда же начинается и работа над самым крупным и значительным его произведением — романом «Решающий шаг». На свет появляется поэма о романтике социалистического строительства «Аму-Дарья». В следующем году из-под пера писателя выходит первый сборник рассказов и очерков «Действительность». Крепнет и совершенствуется его мастерство, растёт писательский кругозор, расширяется сфера творческих интересов. С 1934 по 1936 годы Кербабая был назначен начальником управления науки при Наркомате просвещения Туркменской ССР.

С началом Великой Отечественной войны писатель страстно желал отправиться на фронт, в действующую армию и с оружием в руках защищать своё социалистическое Отечество. Но был оставлен в республике для продолжения организации работы писательского союза Туркменской ССР, правление которого он и возглавил в 1942 году. Всю войну, воюя своим проникновенным словом, написав повесть о первом туркмене — Герое Советского Союза «Курбан Дурды», поэму о трогательной любви туркменских девушки-медсестры и солдата кавалерийского полка, воевавших под Москвой «Айлар», пьесы «Народный поэт» и «Братья», трагедию «Махтамкули», либретто первой туркменской оперы на современную тему «Абадан», рассказы «Кто победил», «Стремление», помогая в создании условий для жизни и творчества советских писателей, эвакуированных в Ашхабад, переживая за всех фронтовиков, среди которых был и его сын Бақы (в советские годы он многие годы возглавлял Центральный ботанический сад при Академии наук Туркменской ССР), Кербабая был в первых рядах трудового фронта.

Послевоенные годы были самыми плодотворными в жизни писателя. В 1947 году он завершил работу над первой и второй книгами романа-эпопеи «Решающий шаг», ставшего родоначальником историко-революционного романа в советской туркменской литературе. В 1948 году Берды Мурадович за это грандиозное произведение был удостоен Сталинской

премии второй степени. Роман имел огромный успех и был переведён на ряд языков народов СССР.

Разгоревшаяся борьба туркмен, борющихся бок о бок с русскими большевиками за свержение угнетателей, построение нового справедливого общества становится основным лейтмотивом этого захватывающего повествования, читающегося и в наши дни, что называется, на одном дыхании.

Судьба романа «Решающий шаг» была по-настоящему счастливой. Герои произведения полюбили читателю. Новый всплеск интереса к роману после десяти лет со момента выхода его в окончательном, завершённом варианте, был вызван его экранизацией в 1966 году на киностудии «Туркменфильм».

Двухсерийный одноименный фильм, снятый талантливейшим туркменским советским режиссером, актёром, драматургом, народным артистом СССР Алты Карлиевым с большим успехом прошёл в кинопрокате Советского Союза, был показан за рубежом и отмечен наградами на различных международных кинофестивалях.

В конце 60-х Б.М. Кербабая пишет роман о строительстве Каракумского канала, о напряженном и изнурительном труде в опасной пустынной зоне, о светлых стремлениях строителей канала «Капля воды — крупица золота». Этот роман в какой-то мере станет продолжением «Решающего шага».

Был он заметной и авторитетной фигурой в Союзе писателей СССР, неоднократно избирался членом правления и секретарем правления всесоюзного писательского союза. Работал он и в составе Комитета по Сталинским, а затем и Государственным премиям СССР. Был активным участником зарождения широкого движения сторонников мира. В 1951 году его избрали академиком Академии наук Туркменской ССР, где он прилагал немалые усилия в организации научно-исследовательской деятельности по истории туркменского национального литературного наследия. Неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Туркменской ССР.

Зачинателю туркменской советской литературы предстояло прожить долгую и интересную жизнь. Восемьдесят раз приходила к нему весна. Он искренне любил жизнь, людей, свято верил в коммунистические идеалы, был убеждённым сторонником мира, взаимопонимания и дружбы между народами. Этим высоким стремлениям он и посвятил свою жизнь.

Отрадно, что на его родной земле, в самой ныне «закрытой для внешнего взора» из бывших советских республик, он также почитаем, как и в советские годы. В центре Ашхабада, в не так давно созданном художественно-парковом комплексе «Аллея вдохновения», среди товарищей по перу времён Туркменской ССР, занял свою достойную нишу и бюст Берды Кербабая. Писатель оказался среди тех национальных героев, которых в Туркмении чтят на государственном уровне.

И пускай славный юбилей одного из лучших мастеров советского художественного слова вновь обратит к нему взоры читателей. Для тех же, кто впервые соприкоснется с его творчеством, произведение Б.М. Кербабая, вне всякого сомнения, станут добрым и светлым открытием.

Руслан СЕМЯШКИН
г. Симферополь

Равнина русской словесности

Интервью с главным редактором журнала «Приокские зори» Алексеем Яшиным

— Алексей Афанасьевич, вы даёте интервью в преддверии скромного, но — юбилей: 15-летия всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Чем обусловлено его появление?

— Начало 2000-х стало в определённом смысле сакральным: именно тогда почти одновременно начали выходить «новые» русские литературные журналы, которые сейчас и осуществляют всероссийский литературный процесс, «прирастающий провинцией»: «Московский Парнас», красноярские «Истоки», «Северо-Муйские огни» в Бурятии, омский «Иртыш — Омь», журнал русских писателей в Белоруссии «Новая Немига литературная», алтайские журналы «Бийский Вестник» и «Огни над Бией»...

И не зря некоторые издаются под эгидой Союза писателей России, а наш журнал ещё и под эгидой Академии российской литературы. Как объяснить эту одноментность? Видимо, используя терминологию Льва Гумилёва, это был пассионарный взрыв в отечественной литературе. Как здесь не вспомнить Пушкина в письме к Вяземскому: «Когда-то мы возьмёмся за журнал! Мочи нет, хочется...» Ибо журнал — суть главный организатор и движитель литературного процесса. А название? — Но ведь мы живём именно при Оке, которая с запада и севера окаймляет Тульскую область.

— Окский край дал много звучных имён в русской литературе...

— Великих имён! Самая русская река Ока от орловских своих истоков в центре Среднерусской возвышенности в течении своём до Мещёрской низменности стала магнетической равниной русской словесности, в придачу дав великолепие природы, гимном прозвучавшее в произведениях Тургенева, Бунина, Лескова, особенно у Гоголя в сохранившихся главах второго тома «Мёртвых душ». Вне всякого сомнения, силовые линии этого магнетизма пронизывают и страницы нашего журнала. Для того и стараемся.

— Сразу, Алексей Афанасьевич, возникает вопрос: «Приокские зори» — продолжатель традиций равнины русской словесности? А как такая историческая география и литературный традиционализм соотносится с сегодняшними авторами журнала?

— Да, наш журнал программно следует целям, содержанию и заветам великой русской классической литературы, продолжавшимся в литературе советского периода истории России. Поощряемый творческий метод — новый русский критический реализм, сущность которого изложена в нашем одноимённом манифесте, опубликованном в ряде литературных изданий. Потенциал критического реализма далеко не исчерпан, в том числе, в нынешний период глобализации. Он предусмотрен социальной эволюцией. Пагубность глобализма для словесности состоит в переходе от аналогового творческого мышления к утилитарному цифровому, то есть от слова к цифре, оглянитесь вокруг...

Тем более потенциал реализма не канул в Лету для русской литературы, ибо наша страна во многом ещё верна традициям православной и социалистической морали и несколько «хмуро» относится к всеобщему оцифровыванию мышления и всяким в

нём перекусам. Вспомним слова прозорливого публициста Льва Троцкого о том, что России вечно суждено торопиться по сокращённому европейским учебникам...

— Итак, творческий метод объяснён, а как быть с авторами «Приокских зорей»?

— Коль вспомнили об иудушке, то можно бы было в антитезе сослаться и на слова генералиссимуса: «Других писателей у меня нет». Но ведь одно дело — констатация, другое — побуждение в самой организации литературного процесса: на то он и журнал, что, в отличие от сборников, антологий и альманахов, суть коллективное произведение, где каждый номер в определённом смысле имеет сюжетную организацию и литературную идейно-смысловую направленность. Во всяком случае, мы к этому стремимся полтора десятка лет. Главное, уже сложившийся во многом круг наших постоянных авторов это интуитивно осознаёт. Этой же интуицией не обделены все вновь притекающие к нам прозаики, поэты и публицисты.

— За вами, Алексей Афанасьевич, пятнадцатилетний опыт редактирования «толстого» литературного журнала, три десятка прозаических книг, в основном, изданных в Москве, свыше пятидесяти публикаций в литературной периодике, полтора десятка всероссийских, белорусских и международных литературных премий, за вашими плечами Литературный институт им. А.М. Горького...

— По родителям своим я — потомственный крестьянин, а у рачительных крестьян (не кулаков — мироедов!) должно иметься не бедственное хозяйство: крепкий дом с дворовыми постройками, обязательно два коня — для пахоты и для выезда, непростаивающая земля, весь набор потребной живности... К тому же наследственная, генетическая рачительность дополнена заполярной осмотрительностью и военно-морской воспитанной дисциплиной: отец Афанасий Андреевич двенадцать лет служил на Северном флоте, включая

Финскую кампанию и Великую Отечественную войну. Было с кого пример брать.

По аналогии с таким хозяйством создавалась и инфраструктура журнала, который издаётся вовсе не сам-один. У «Приокских зорей» три своих альманаха: литературно-художественный «Ковчег» (главред Яков Шафран) и два музыкально-поэтических: «На лирической волне» и «Тульская сторона» (главред Сергей Сенин); последние выходят с периодичностью три выпуска в год и с нотными текстами — для исполнителей.

Уже десять лет издаются авторские книги и сборники в сериях «Библиотека журнала "Приокские зори"» и «Приложение к журналу "Приокские зори"». Счёт изданных книг в каждой из серий перевалил за полсотню. «Знаком качества» журнала полагаем вступившую во второе десятилетие существования всероссийскую литературную премию «Левша» им. Н.С. Лескова, ежегодно присуждаемую в четырёх номинациях за лучшие публикации в «Приокских зорях». В разные годы лауреатами были такие известные писатели, как Леонид Иванов, Виктор Буланчиков, Анатолий

является весь читающий по-русски мир, — вот это уже в хорошем смысле глобализм... Мы признательны всем им. И на первой странице стоит: «Журнал для читателей».

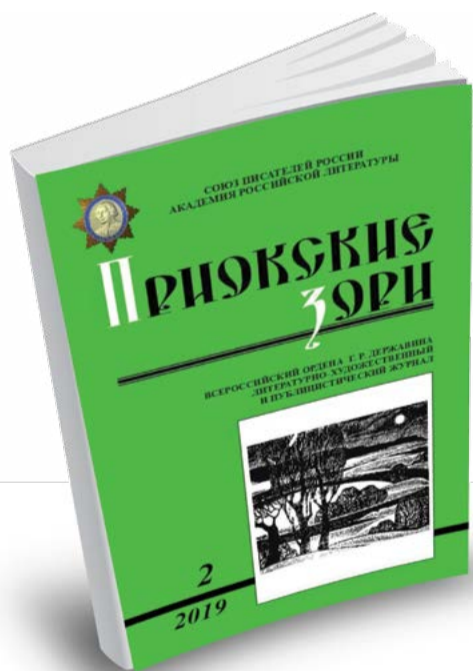
— Как апостол Павел изрёк: «Не нам, не нам, а Имяни Твоему», то есть великой русской литературе, продолжающейся даже в наши «от лукавого» времена, о чём вы часто говорите в своих программных «Колонках главного редактора». Но ведь такое большое дело без помощников не сотворишь?

— С осторожностью отношусь к слову «помогать»; нет, семантически здесь подвоха нет, но помогать — всё как-то преходяще, мимоходом. Вот делать вместе — это конкретно! Так и у нас вместо института «помощников» суть творческий (и технический — по необходимости) коллектив, как *conditio sine qua pop*, говоря на учёной латыни — непременно условие существования, творческой самодостаточности и потенциала дальнейшего развития журнала. Состав редколлегии и редакции складывался «методом проб, ошибок и исчерпанных ходов» почти десятилетие, пока не пришёл к нынешнему стабильному «списочному составу». Главное, практически отсутствуют «свадебные генералы» от литературы: все члены редколлегии — из пяти стран, что называется «с именами», все при деле в журнале, и все — люди творческие, то есть здесь двойной стимул. Но главная моя опора — заместители: Яков Шафран и Геннадий Маркин, редакция во главе с Мариной Баланюк, заведующие отделами. Ещё раз: все при деле, и это при том, что в редколлегии состоят руководители творческих союзов, главреды и заместители известных литературных журналов, люди других ответственных занятий.

— Как всероссийский статус журнала остаётся с тульскими, окскими корнями? Каково, наконец, ваше видение новых поколений авторов?

— Тульские, окские корни — это вовсе не география, это составная часть равнины русской словесности. Поэтому всероссийских писателей мы очень даже жалуем — по талантам, естественно. Но вот видение новых поколений авторов — это адекватно прогнозу развития литературного процесса, понятно не в «далёко», как у Маяковского, но всего лишь с отсчётом от времен нынешних. Ибо законами эволюции человеку наложен запрет даже на чрепоколенное «предвидение»...

Реальность такова, что, начиная с последнего десятилетия прошлого века, стремительными темпами происходит «смена вех» в отечественной литературе; на смену сопреализму пришёл новый русский критический реализм. Во многом сама литература превращается в «салонный» вид творчества из-за разобщённости. Как следствие, утрата самого понятия авторитета в писательской среде, а без него — нивелирование талантов и творческих способностей. И если Пушкин прекрасно понимал, что организация мощного и всеобъемлющего национального литературного движения невозможна без журналов, так и сейчас, без малого две сотни лет спустя, снова на первый план выступают журналы. Только они могут «на равных» бороться с санкционированным литературным нивелированием и словесным бескультурьем. Надеемся, что «Приокские зори» с его программным творческим методом нового русского критического реализма, его «магнетизмом» для творческого совершенствования авторов равнины русской словесности, главное, с нашими замечательными читателями, не последние в рядах этих борцов.

Аврутин, Тимур Зульф리카ров, Владимир Корнилов, Федор Ошевнев, Владимир Фёдоров, Игорь Нехамес, Наум Ципис, Олег Зайцев, Игорь Лукьянов, Галина Дубинина, Александр Субетто... хочется — и не без основания на то! — список и дальше продолжить, но не будем загружать редакцию, публикующую интервью. Не лицемеря скажу: наша премия идёт в категории «честная», ибо каждый лауреат узнаёт о своём таком качестве неожиданно для себя после утверждения редакцией. И ещё: она не полагается для руководства журнала, то есть и вашему покорному слуге не украсит лацкан поджак лауреатской медалью... Среди удостоенных — не только авторы из России, но и из Белоруссии, ДНР, Германии, Монголии и других стран.

Но ведь главное для крестьянина — его земля, нива, каковой в нашей аналогии

Игорь ИВАНОВ

Кое-что из жизни дипломатов

Уникальные русские парни

Этот весьма показательный случай произошёл в девяносто третьем году в столице одной из франкоговорящих стран Центральной Африки. А показателен он именно тем, что, грамотно поддерживая созданный в воображении иностранцев по книгам, в том числе и отечественных писателей, образ русского человека как неисправимого хроника, можно не только хорошо провести время, но и реально содействовать укреплению дружбы народов, а это уже момент политический.

Дело было так. Две супружеские пары, я с женой и мой друг вице-консул Игорь Тунгусов, сами понимаете, тоже с женой, решили как-то раз пообедать в ресторане под названием «Banata». Расположен этот ресторан на противоположном от посольства конце города, и если бы не необходимость однажды посетить находящийся рядом госпиталь, то, может быть, до сих пор там не побывал бы ни один наш соотечественник, и само слово «Banata» не стало бы известно российскому читателю.

Но по порядку. То, что мы сначала приняли за вывеску, оказалось всего лишь указателем въезда в переулок, который служил парковкой для посетителей, туда же выходило и крыльцо. Написал крыльцо, а сам думаю, подходит ли это слово для мраморной лестницы о двенадцати ступенях с колоннами и многоцветной электрической надписью на фасаде?! Внутренний интерьер заведения нас восхитил ещё больше. Ширмочки из ценных пород древесины, гравюры и картины на стенах, большущая печь с пылающим очагом и белый мужчина в полуметровой высоты поварском колпаке возле неё. Весь этот шик потряс нас настолько, что мы тут же шёпотом на всякий случай договорились, что, если цены будут запредельными, то заказываем пиво и орешки, как будто зашли просто жажду утолить, а пообедать найдём где.

После ознакомления с расценками решили остаться. Было немногочисленно, лишь в дальней части ресторана, сдвинув несколько столиков, что-то праздновала группа молодых людей европейской наружности. Возле них на штативе стояла большая видеокамера с огромным осветительным прибором, напоминающим проектор.

Мужчина в колпаке сразу же подошёл к нам, вежливо представился, неназойливо предложил познакомиться, поговорить, обещая дать совет с выбором блюд, которых у него на любой вкус для гурмана любой национальности. «Околпаченный» оказался не поваром, а хозяином заведения, итальянцем. Колпак и очаг были не бутафорией, а любимым занятием хозяина. Особо почётным гостям он собственноручно готовил в нём пиццу по секретному рецепту своей бабушки. Сегодня этой чести удостоился его старинный приятель — французский барон, именно он отмечал пятидесятилетие с компанией, сдвинув столы.

После непродолжительной экскурсии по закоулкам меню гостеприимный хозяин предложил нам остановиться на блюде под красивым названием «пайола», в испанской транскрипции «паэлья». Очень вкусная еда из риса с овощами и всевозможными морепродуктами.

Когда пришла очередь представиться нам, и мы сознались, что из России, итальянец вполне искренне заулыбался во все свои 32 макаронниковских зуба и сказал, что до нас в его ресторане русских ещё

не было. Согласитесь, очень приятные для слуха слова. Дальнейшее оказалось ещё приятнее. Он заявил, что по поводу столь знаменательного события, как первый приход к нему русских посетителей, для приятного начала вечера первая выпивка будет за счёт заведения. Это убедило нас в его полной искренности, так как только совершенно незнакомый с особенностями нашего национального характера человек мог поступить настолько опростовело.

На вопрос о том, чего бы мы хотели выпить, наши жёны скромно попросили «Божоле» восьмидесяти девятого года, а мы с Игорем дружно заявили, что русские пьют только водку. Щёлкнув пальцами, хозяин велел моментально подлетевшему официанту принести дамам вино, а для нас — два стакана со льдом, налив в них по дозе «Смирновки», и повернулся к нам, спрашивая, чем мы будем её разбавлять. Для тех, кто, может быть, не знает, что такое «доза» крепкого спиртного в западном понимании, сообщаем, что это всего лишь 30 миллилитров. По их меркам тот, кто пьёт двойными дозами, то есть по 60, уже горький пьяница. А для нашего менталитета такими голубиными порциями не стоит даже рот пачкать. И вот, мой приятель Игорь Тунгусов, не моргнув глазом, как-то консульская закалка, начинает объяснять пока ещё улыбающемуся итальянцу дозировку водки в русском варианте: «На дно стакана кубик льда, до краёв водки, а разбавлять ничем не надо».

Объяснять пришлось достаточно долго. Скорее всего, итальяшка пожалел, что так дружелюбно отнёсся к этим любителям халявной выпивки, но разрушать имидж гостеприимного хозяина всё-таки не решился, и в результате наши стаканы оказались полны водкой.

Чтобы не разочаровать его окончательно, Игоряша, здоровый русский парень

— «косая сажень в щеках», нарисовал на своём лице самую очаровательную из своих консульских улыбок, поднял стакан и задвинул небольшой тост в кавказском стиле за процветание заведения. Выпили.

Наши жёны нам потом рассказали, что за те несколько секунд, пока пьются сто пятьдесят грамм, на лице нашего нового знакомого сменились сто пятьдесят оттенков. В момент, когда мы ставили стаканы на стол, на его глазах блестели слёзы. С дрожью в голосе он сказал, что, хоть и читал где-то раньше о невероятной способности русских пить водку ведрами, как кони воду, но считал это сильной литературной метафорой и, пока не убедился сейчас в правдивости этого образа лично, не доверял ему полностью. Поэтому наше требование налить стаканы доверху сначала воспринял как элементарную жадность, о чём нынче сильно сожалеет. Закончив столь длинное предложение выразительным вздохом, наш друг произнёс: «Чтобы загладить вину перед вами за свои чёрные мысли я сегодня весь вечер угощаю вас водкой за счёт заведения!».

Теперь пришла очередь прослезиться нам. В ответ на столь выразительное публичное покаяние мы не могли не сказать самых тёплых слов о нём и его ресторане. Особенно удачным из сказанного было предположение, что, судя по искренности, открытости и широте души нашего хозяина, у него наверняка среди предков были русские, может быть, его хваленая пиццная бабушка была внучкой кого-нибудь из солдат Суворова, переходивших Альпы. Очень довольный такой мыслью, он с улыбкой удалился, и вскоре официант принёс литруху «Абсолюта». Мы, наконец-то, закусили.

Замечательная история, не правда ли? А окончание у этой истории оказалось вообще сказочным.

Не успели мы, как следует, распробовать все оттенки вкуса пайолы, к нашему столику вновь подошёл теперь уже почти родной итальянец, к сожалению, забыл, как его зовут, вместе с жутко важным, несмотря на невысокий рост, седеньким мужичком. Без лишних церемоний нам был представлен французский барон, который очень вежливо, но голосом, не терпящим возражений, пригласил нас присоединиться к его компании разделить с ним торжество. В момент, когда он ласково похлопывал хозяина ресторана по плечу и говорил, что друзья его друзей — его друзья, тот лукаво подмигнул нам и сказал: «А ещё эти русские умеют пить водку большими стаканами!». Барон поймал мысль на лету, что сразу же убедило нас в его дворянском происхождении, и торжественно объявил, что, естественно, и водка и ужин будут оплачены им, и сделает он это с огромным удовольствием.

Последние сомнения оставили нас. Чтобы удачно влиться в коллектив и подтвердить свои «уникальные» способности, о которых с таким упоением рассказал честной компании наш итальянский друг, мы налили по полной, и Игорёк сказал, наверное, самую длинную речь в своей жизни. Начал он с того, что благословен тот день, когда происходят такие встречи, и необходимо было некоторое особенное расположение звёзд, чтобы именно в такой день родился многоуважаемый юбиляр, многого ему здоровья и благополучия. А оканчивал он этот сногшибательный тост пожеланием бесконечно крепкой российско-французско-итальянско-африканской вечной дружбе. (Громкие продолжительные аплодисменты.)

Расставание в конце вечера было неопишимо тёплым. Все целовались.

Вспоминая на следующий день своё приключение, мы отметили, что был всё-таки один небольшой отрицательный момент в этом мероприятии: видеокамера не выключалась, поэтому факт присутствия двух русских дипломатов на юбилее французского барона мог попасть в светские новости, а этого нам, честно говоря, очень не хотелось. В остальном же всё было просто великолепно.

Проклятая ворона

Все здания российских дипмиссий выглядят по-разному. Все помойки возле них одинаковы, как близнецы. Для тех, кто никогда не бывал за границей, скажу, что помойка возле хрущёвской пятиэтажки в любом райцентре России представляет собой совершенно такое же непрезентабельное зрелище, как и её сестра вблизи нашего посольства в центре столицы любой державы. Можно пытаться это объяснить разными причинами, включая, политические и экономические, но факт остаётся фактом — на данный момент они, видимо, неистребимы. Со всеми сопутствующими атрибутами. Я имею в виду серых ворон. Те любители природы, которые хорошо изучали в средней школе орнитологию, в особенности те из них, кто подвержен пагубной страсти к птичьей охоте, могут рассказать множество занимательных историй о прямо-таки цыганской хитрости и чисто воровской сообразительности этих браконьеров птичьего царства. Вот небольшая зарисовочка из личных воспоминаний в качестве пролога к основной теме.

Главное чувство на охоте — это азарт. Азарт ожидания в засидке, азарт гога, азарт добирания подранка, азарт скрадывания на току. Именно неповторимость

этого чувства составляет главную прелесть охоты, даже большую, чем возможность похвастаться трофеями или деликатесность добытой дичины. Принимая во внимание, что охотничье счастье — очень капризная девица, не каждому дающаяся в наш урбанистический век, надо отметить, что пустой ягдташ после утиной охоты — достаточно частое явление. И, чтобы не нести домой своё неудовлетворение двухчасовым сидением в камышах и такой же продолжительности бесплодным гулянием по заболоченным берегам, охотники начинают выискивать заменитель цели для выпуска по ней дробового заряда и снятия тем самым душевного напряжения. Наиболее хорошо для этого подходят шапки, бутылки и вороны.

Как и любой представитель охотничьего братства, когда-либо пытавшийся подстрелить серых ворон, должен отметить, что эти мерзкие твари моментально улечиваются из виду в тот момент, как только в вашем мозгу, утомлённом длительным, но безрезультатным возбуждением, возникает мысль использовать их в качестве живых тарелочек на загородном стенде. Противное карканье, столь сильно донимавшее вас в течение последнего часа, вдруг сменяется гробовым молчанием. Поневоле начинаешь верить в шестое чувство. Или такой пример. Как бы вы ни делали вид, что вас совершенно не интересуют кружащая над головой воронья стая, и не пытались смотреть в другую сторону, даже под ноги, но в момент попытки снятия дробовика с плеча они настолько резко бросаются враспынную, что через мельчайшую долю секунды, необходимую для прикладывания ружья к плечу, в небе над вашей головой не остается ничего, кроме мирно плывущих облаков. При этом не стоит даже стараться обмануть их путём вскидывания к плечу простой палки и произнесения дурацких воплей типа «ба-бах» или «тра-та-та». Ответом на это будет лишь презрительное «кар». Они очень здорово умеют отличать «стреляющую палку» от обычной и никогда не приблизятся на опасное для жизни расстояние.

Нижеследующую историю мне рассказал знакомый пограничник, служивший два года дежурным комендантом посольства России в одной из восточных стран. Надо отметить, что это достаточно развитая в экономическом отношении страна, столица которой представляет собой мегаполис с развитой транспортной сетью и фешенебельными небоскрёбами. Территория под дипломатический анклавы выделялась в стародавние времена далеко не в самом центре города. Длинная череда диппредставительств разделяется глухими трёхметровыми заборами. Лицевые заборы — это чугунные решётки, совершенно не препятствующие проникновению любопытных взоров прохожих. За 40 последних лет окрестные пустыри заросли высотными домами. И теперь улица из низкоэтажных зданий посольств, зажатая, как тисками, современными постройками представляет собою в буквальном смысле «каньон среди каменных джунглей». Карканье стаи ворон, столующихся на нашей помойке, по всем законам акустики разносится далеко в стороны, многократно отражённое от стекла и бетона.

Однажды прохладным осенним утром российский посол, чрезвычайно утомлённый многочасовым злоупотреблением алкоголя на приёме, закончившемся далеко за полночь, в мрачном расположении духа выходил из дверей посольства. Справедливости ради надо отметить, что у послов очень тяжёлая работа. Для того, кто никогда не читал содержимого верительных грамот, вручаемых послами главам государств (таких среди читателей, я полагаю, большинство) привожу примерный текст указанных грамот:

«Его Превосходительству Президенту государства Лимония.

Следуя политике укрепления сотрудничества между народами и желая способствовать развитию дружественных отношений между нашей державой и Вашим государством, я решил назначить при Вас гражданина Такого-то в качестве своего Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Аккредитую гражданина Такого-то настоящей грамотой, прошу Вас, Ваше Превосходительство, принять его с благодарностью и верить всему тому, что он будет иметь честь излагать Вам от моего имени и от имени правительства нашей державы.

Подпись Президент
Скрепил Министр иностранных дел»

Вот поэтому в отличие от нас, простых «хроников-любителей», послы являются, так сказать, профессиональными или штатными «хрониками». Один старый советник рассказал мне такую байку, как министр иностранных дел вновь назначенным послам перед убытием в страну аккредитации устраивает экзамен по этому делу «в трёх экземплярах в письменном виде». Да, в служебные обязанности послов входит умение много и долго пить, не теряя твёрдости памяти и ясности мысли и при этом говорить умные

речи, способствующие росту авторитета и престижа страны на международной арене, ведь то, что для нас «пей, или ты меня не уважаешь?», на их уровне воспринимается как официальная позиция державы. И поэтому невнятный произнесённое «не могу больше пить, пойду спать» может привести к непоправимым последствиям. Адская работа. Особенно на утро.

То утро было для посла конкретно хмурым. Всё одно к одному: МИД окончательно замучил своими циркулярами, дипломат одной из не очень развитых стран полночи приставал со своим отвратительным коньяком, на улице слякоть, а тут ещё эти гадкие вороны совсем обнаглели, каркают и каркают, чтоб они все передохли. И грозно тряс кулаком, посол высказал вороньей стае всё, что он про них думает. Последовавшее за этим лишний раз подтвердило тезис о высоких умственных способностях ворон. Одна из них, видимо, по распределению внутривидовых обязанностей отвечающая за связи с общественностью, вошла в глубокое пике и с чисто журналистским нахальством испачкала послу шляпу. Взбешённый таким непочтительным поступком, он не смог себя сдерживать. С непонятно откуда взявшейся мальчишеской прытью он поднял валявшийся в полуметре обломок кирпича и метнул в удаляющуюся серую бестию. И попал. Убить не убил, но ранил серьёзно, судя по похожим на плач звукам, издаваемым птицей. Поведение всей стаи враз изменилось. В стремлении отомстить за боль своей подруги они как «мессершмиты» всем скопом кинулись на бедного посла, которому при виде такой атаки пришлось срочно регироваться. Серьёзного ущерба, кроме пятна на шляпе, они ему не нанесли, но некоторые из них пролетали так близко, что касались его крыльями.

Если бы на этом все закончилось, то не было бы нашего расказа. Самое интересное началось позже. Злопамятные птицы каждый выход нашего посла встречали неистовыми карками, которые на человеческий язык, скорее всего, переводились так: «Ату, братцы, вот он, держи его!», и собирались со всей дипломатической улицы на это мероприятие с поразительным единодушием. Посол сменил плащ и шляпу, машину по его указанию стали подгонять совсем близко к подъезду, но все эти меры не привели к успеху. Какая-нибудь дозорная ворона всегда находилась в непосредственной близости и тут же собирала своих на митинг.

В таком районе повышенного внимания подобное безобразию не

могло долго оставаться незамеченным. Какой-то местный шибко наблюдательный острослов недели через три после описанного нами события поместил в воскресной газете в разделе курьёзов заметку о непонятной привычке столичных ворон засвидетельствовать ежедневно своё почтение русскому послу.

В понедельник офицер безопасности посольства, старый заслуженный полковник контрразведки, узнал нечто, о чём до того даже не догадывался, а именно, что главной его функциональной обязанностью является защита персоны Чрезвычайного и Полномочного от нападений пернатых террористов. Дело в том, что после прочтения заметки посол срочно собрал совет, на котором офицеру безопасности было поручено найти способ исправить ситуацию. За неимением других предложений лучшей была признана идея перебить гадов. Так как стрельба в черте города из огнестрельного и пневматического оружия запрещена, то после недолгих размышлений выбор остановился на рогатках, благо, таких игрушек в тамошних оружейных магазинах очень много. Операция была продумана по всем законам военного искусства. Пять дежурных комендантов во главе с помощником по безопасности, пряча рогатки по карманам, равномерно распределились по посольскому двору в ожидании выхода посла. Тот должен был выйти на открытое место и в качестве мишени ждать общего сбора ворон. В период наибольшего скопления врагов и приближения их на верный выстрел планировалось произвести показательную расправу с целью устрашения и недопущения в будущем подобных демонстраций.

Расчёт оказался верным. Начавшаяся в самый горячий момент пальба сразу охладила их воинственный пыл. Одна из особенно прытких была огорчена до смерти стальным шариком в грудь, и её безжизненное тело упало за забор на территорию соседнего посольства. Остальные при виде такого зрелища стремительно разлетелись и больше не появлялись. Противник был рассеян.

Но и это ещё не конец истории. Дело в том, что соседнее посольство, куда упала убитая ворона, — американское. Два сотрудника этого посольства, проходившие во время расстрела по улице и видевшие сквозь решётки весь процесс, сыграли злую шутку. Судя по вредности их действий, эти двое, скорее всего, были цэрэушниками. Пройдя к себе, они перебросили несчастную тушку обратно к нам. Точнее, в момент раздачи благодарных рукопожатий строю дежурных комендантов счастливому послу прямо на новую шляпу упала дохлая ворона. Она достала его даже мёртвой. Хорошо, что этого не видели местные журналисты.

Три языка одного издания

В череде повседневной жизни Союза писателей Приднестровья произошло немало примечательных литературных событий, наиболее знаковые из которых отражены в журнале «Литературное Приднестровье»

Отрадно заметить, что наши авторы с каждым годом совершенствуют писательское мастерство, строже и требовательнее стали относиться к своему творчеству.

Отдельные публикации и сборники (прозы и поэзии) приднестровцев явились темой обсуждения критиков и литературоведов в электронных и печатных изданиях не только соседних государств, но и России.

Самым значительным для нас событием этого года, безо всякого сомнения, явилось восстановление Союза писателей Приднестровья в составе Международного сообщества писательских союзов (г. Москва) и участие руководителя СПП в общем собрании в Доме Ростовых, объединившем делегатов 36-ти писательских организаций МСПС, а также литературных представителей разных стран, краёв и областей России.

Лейтмотивом выступлений многих делегатов, в том числе и автора этих строк, стал призыв: «Словом сближать народы... Больше говорить о мире, а не о войне, и сплотиться вокруг литературы».

Это означает одно: мы с вами отныне работаем не только для своего читателя, но и для многонационального читателя СНГ, владеющего русским языком, и даже для представителей дальнего зарубежья.

Вот поэтому нынешний номер журнала «Литературное Приднестровье» продолжает публикацию произведений наших авторов и коллег из СНГ в лучших традициях изданий МСПС и республики.

Это четвёртый выпуск журнала в настоящем формате, и вышел он, как всегда, на трёх официальных языках ПМР — русском, молдавском и украинском.

На страницах журнала напечатаны произведения приднестровских писателей, а также авторов ближнего зарубежья, членов литературных объединений и начинающих литераторов республики. В разделе «Литературная хроника» опубликованы текущие события творческой и общественной жизни писателей республики и соседних государств, давно и плотно контактирующих.

Произошли некоторые изменения в рубриках журнала, но основные — «Проза», «Поэзия» и национальные страницы — остаются главными в журнале. Добавилась рубрика «Драматургия», что свидетельствует о расширении творческо-

лидеры находятся в творческой форме, и настоящее издание — лучшее подтверждение этому. А это значит, молодым авторам есть от кого получить профессиональный совет и конкретную помощь.

В журнале много интересного и поучительного не только в документальном, но и в художественном плане. На самые обширные блоки с прозаическими и поэтическими произведениями приходится больше всего открытий. И всё это рассчитано, мы надеемся, на массового читателя.

Валерий КОЖУШНЯН,
главный редактор журнала

Театр Двенадцати

Двенадцать — цифра магическая. Простая комбинация из единицы и двойки — о художественных и внехудожественных смыслах простых чисел можно говорить бесконечно.

Один, два — и уже три. Вот и драматурги из трёх стран — Украины, Беларуси и России благодаря Международному гуманитарному проекту «Минская инициатива» объединили свои произведения под обложкой нового выпуска «Terra poetica 2018»

Как сложенный пазл, собралась общая картина мира. От каждой страны прозвучало по четыре драматургических голоса, и в итоге сошлось двенадцать текстов.

Как правило, слово «двенадцать» звучит, как набат, — слитно, звеняще, раскатисто, но не в этот раз. Каждый из двенадцати голосов молодых драматургов существует индивидуально, на своей волне. Их трудно объединить привычными жанрами или темами и, пожалуй, единственное их общее качество — оппозиция к старому доброму театру со сложившимися традициями учить и воспитывать.

Театр Двенадцати не берёт на себя функции наставника: тут школа — не школа, а казарменный плац, только прыгают через козла, как у Александра Середина. Детский сад — рассадник запретов и нормативов, маленькая жизнь зажимается тисками взрослых «нельзя», как у Алексея Житковского в «Горке», признанной лучшей пьесой России в 2018 году. Персонажам окружающий мир, словно намеренно, расставляет ловушки, запутывает их обстоятельствами и недоразумениями. А поскольку старые представления о главном, как нужно жить, обесмыслились, и проторенные пути героям чужды, они те-

ряются среди снегов и лесов, как у Олега Охотникова или Константина Спешика.

У Театра Двенадцати, может показаться, слишком много пессимизма и мало надежд — все надежды остались у старшего поколения, уверенного в своих исторических победах. Обделённые же славным прошлым молодые растворяются в сегодняшнем дне. В семьях их попросту не замечают, как у Ивана Пригонного или Марьяны Ластивки. Поколения сожигают, словно чужие, опыт приспособленчества молодым не нужен, его отвергают, он ложный, лицемерный. Молодость становится при этом совершенно беззащитной, как у

Ольги Мацопы, обладательницы высшей премии престижного немецкого театрального фестиваля в Хайдельберге. А ощущение семьи как кокона для возвращения катастрофического инфантилизма — ещё одно чуткое наблюдение

лодное слово «пациент» — это нуждающийся в помощи больной человек, а тот, кто рядом, хоть и совсем чужой, конечно, живее каменного гостя, как у Екатерины Гилевой. Голоса пробиваются пронзительным криком у Жанар Кусаиновой в своём захлебывающемся монологе или звучат невнятным фольклорным говором у Дмитрия Богословского.

Со сцены многое горькое и безысходное будет выглядеть провокационно и иронично, что-то покажется совсем смешным, наивным, а потому нестрашным. Став театром, как это уже случилось со многими текстами, двенадцать голосов прозвучат и будут услышаны.

Анна ВЕСЕЛОВСКАЯ,
театровед

го диапазона авторов. На своём месте остались рубрики «Публицистика. Критика. Обзоры». «Маленький принц» — для детей разного возраста. Это наша надежда на будущее писательского цеха. Однако наши

Игорь ТЮЛЕНЕВ

От Бога, Родины и Солнца...

Фиалка

Мир без русских людей не спасётся!
Не спасутся слова без поэтов...
Бледный Конь по планете несётся,
Он на фоне зари — фиолетов.

Я сорву для любимой фиалку,
Заманю её в русское поле!
Мимо катится время вразвалку,
Как беспечная русская воля!

Положи мне на плечи ладони
И прижмись необузданным телом.
Я, как тур, разломавший загоны,
Прыгну в небо навстречу омелам.

Потому, что мы звёздные дети,
Мы не ходим землёй, а летаем
Сквозь шпицрутены слухов и сплетен
Между адом и Родиной-раем.

Отчизна встретила туманом!
Непроморгавшейся звездой!
И это не было обманом —
Всё то, что не было с тобой.

Стояли катера на рейде.
Трепал в ангаре самолёт.
И вера — золотом на меди
Озвучивала крестный ход!

К нам ястребы влетали в сени,
А вот цыплят там не нашли...
Один на всех поэт Есенин,
Пшеничный колосок земли!

Живу, как все. Стихи кропаю,
Со школы дневники веду...
А Родина летит по краю,
Словно в 17-м году.

И мамы нет, и дома нет.
Но это я в душе запрягал.
А с неба так же льётся свет,
Как лился в юности когда-то!

Жизнь без руля и без ветрил
Несётся волею поэта!
Я многих на земле любил!
И всё же песня не допета...

Я русской Родине служил
Стремился к цели, как пехота!
И даже б море переплыл,
Там, где акула косорота!

Я рвал из ножен свой кинжал,
Коль яблоко вражды созрело!
Но я на Бога не роптал!
На Господа роптать не дело.

А утром наступал рассвет.
Звенели годовые кольца.
Я к вам был послан, как поэт —
От Бога, Родины и Солнца!

Памяти Валерия Иванова

Пожирает Москва мужиков
Хоть в Голицыно, хоть на Ямале!
Ты был лучшим из сибиряков,
Жизнь проживший
на русском вокзале!

Омск молчит! Что он может сказать
О своём заблудившемся сыне?
На земле не всплывёт твоя мать —
Ты уплыл, оттолкнувшись на льдине.

Пусть «весна без конца и без края»
Без тебя будоражит Москву.
Ты, Валера, в трёх звёздах от рая!
Я бы выпил, да пить не могу.

Мы и так всё, что можно, пропили,
Остальное раздали вора.
Но зато, как поэты мы жили —
Кто поэтом на землю был зван!

Их обратно Господь призывает —
Передреев, Рубцов, Кузнецов...
Вот Валера друзей окликает
Русским именем Иванов!

Заступись там за нас, окаянных,
Ты ж сегодня поближе к Христу!
Помолись за твердых и пьяных,
Что приколоты ручкой к листу.

На горе высокой

На горе высокой
С батею брагу пьём.
Далеко-далёко
От столиц наш дом!

Где уральский Борька
Пропивает Русь!
Да не выпьет столько
Либеральный гусь.

А внизу китайцы
Притулились к нам.
Да американцы
Ядрами к ногам.

Потому на горке
С батею брагу пьём,
Словно в самоволке
Наш родимый дом.

Утром разберёмся
Что кому и как!
Вдоволь наорёмся —
Слезем в березняк.

Березняк с грибами,
С ягодой лесной!
С лисами, с волками,
С батею и со мной!

Ах, Ирина, то в драках, то в спорах,
Забываю вернуться к тебе...
Пусть горит в тебе харьковский нор
Лампой тысячеватной в окне.

Через Каму, то вплавь, то на лыжах,
Проклиная закамскую муть.
До тебя доберусь, ты увидишь!
Можешь спать, если сможешь заснуть.

Опадает листва и не слышно
Перевозят тоску облака.
Сыплют звёзды,
как с дерева вишня,
Гонит мышцы по ветру река.

Ну, а я? Снова станция, поезд...
Ждёт в столице собрание друзей.
Если пишется русская повесть —
Значит честь не потеряна в ней!

Как всегда, угасает Европа,
Молодеет лишь русская жизнь!
Ты, Ирина, прости остолопа,
Что влюблён в лучшую из Отчизн!..

Конюховка на сплавном рейде

Сюда мы в детстве забегали,
Чтоб отдохнуть от суеты.
Мы всё здесь помнили и знали
От хомута и до узды.

А сбруя пахла конским потом,
Сосновым бором и кнутом!
Ордой, ушкунником, полётом
Над лугом — без седла притом.

Как радуги, горят подковы,
Звенят бревенчатой стеной.
И вожжи хлещут, как швартовки,
Когда река встаёт волной!

Позволит конюх прокатиться
Верхом кому-нибудь из нас...
Пусть позавидует столица
Тому, кто на коне сейчас!

Паровоз

Ну, как смогу прожить без паровоза,
Что вёз меня с Урала далеко.
Звенел его свисток сладкоголосого,
Его забыть, как юность, — нелегко!

А впереди Кавказские Минводы —
Там бабушка и мамина родня.
И в Пятигорье вбитые народы,
Как скалы на Урале! Мне коня

Не нужно подводить. На паровозе
По двум железкам
мой железный путь!
Смотри — луна уже черноволоса
От дыма, что её ласкает грядь!

Пусть говорят:
— Покой нам только снится!
Гремят колёса разгоня сны.
В плацкарте детство всё ещё храбрится —
Всё дальше отдаваясь от весны!

Мальчишка с фотографии

Сидит мальчишка на крыльчке,
С земли — четвёртая ступень.
И первоклашки, как овечки,
Чуть поодаль, как светотень!

Как бы на книжной полке книги
Сидят, друг к другу прислонясь...
И светлолики, многолики,
Перед фотографом храбрятся.

Хохочут, радуются жизни —
Как ветром всколыхнуло пруд!
Расселись на хребте Отчизны
Во глубине уральских руд.

А мальчик на четвёртой полке,
То есть ступеньке, вдаль смотря,
Грустит и плачет втихомолку —
Он маму с неба ждёт подолгу...
Такая фотография.

Я влюбился, как русский поэт.
Навсегда, без ума, без остатка!
Горько вам, ну а мне нынче сладко,
И не нужен готовый ответ...

Сколько раз я пытался взлететь?
А теперь так легко получилось.
Коридоры небесные впредь
Служат мне, если ты отлучилась.

Здесь случайно не встанешь на гвоздь,
Можно быть безрассудным и смелым!
Взял из воздуха ветку омелы,
Что стопою касался Господь.

За небесным столом посидим,
Снизу тьма, здесь же тьмы не бывает.
Ах, как сердце любовь разрывает,
И так душу, так душу знобит.

На пригорке

На пригорке телятник рвёт запахом нос!
Неужели я дома? Неужели добрался?
Значит, правильно вёз

по стране паровоз!
Значит, с этой поездкой я не облажался!

Как живут здесь, и что здешний
пьёт человек,
Ведь не зря же в сельпо путь
душа протоптала!
Нет, душа не безродна, как думал Олег,
Но не тот, у кого в сапоге было жало!

Дождь забулькал —
укроюсь в широкий сарай,
Притворюсь заблудившимся
аборигеном.
Так народ представляет, наверное, рай,
Что до крыши набит
свежесобранном сеном!

Кто-то вдруг зашуршал,
вспыхнул женский платок,
Я пред ним, как пред флагом,
упал на колено.
Я бы женщину эту как волк уволок,
Но она уже здесь без кольчуги и шлема.

Предо мной беззащитна,
а на улице дождь.
До утра будет длится сегодня беседа.
И отводит глаза от сарая Господь...
И увозит мой поезд уральское лето.

На свете без поэта не хватает света

Яркая многогранность жизни и творчества Владимира Силкина не нуждается в подтверждении. Поэзия, проза, публицистика, журналистика, переводы, литературная, общественная и ветеранская работа. Но сейчас, подводя определённые итоги прошедшего литературного года, хотелось бы коснуться поэтической составляющей его творчества.

Этого прекрасного поэта можно с полным правом считать не только почётным гражданином его родного города Рязька и Рязанской области, но и почётным гражданином страны Поэзии. Прошедший год был особенно урожайным на выпущенные книги: «Кланяюсь в пояс дороге», «Сирень Победы», «Русская юла», «Золотой карась в аквариуме» (детские стихи и рассказы) и книга поэтических переводов «Ночной дождь».

Владимира Силкина — в его умении подмечать душевную суть в самых обыденных явлениях. Поэтому всё написанное видится и чувствуется воочию, даже самое тонкое состояние поэта: «...На могиле, где тусклый веночек, / Я услышу, как вздрогнет ограда: / Всё, как надо, как надо, сынок! / Всё, как надо, сынок, всё, как надо!» («Так и надо тебе, дуралей»).

Его поэтические наблюдения за жизнью очень зоркие и чуткие, в них почти всегда есть подтекст, но это не сокрытый смысл для расшифровки, а пронзительная духовность, милосердие и сермяжная народная правда:

«Вот ты представь, что ты в бою,
Один за Родину свою.
А за тобой отец и мать,
Которые не могут встать.
А нечисть прёт, и прёт, и прёт,
А ты командуешь: «Вперёд!».
Кричишь: «В атаку!», — никому,
Лишь только сердцу своему.
Неважно, выдержит оно,
Что выдержать не суждено...»
(«Голос»)

Каждая книга — это новый мир, пронзительная глубина, которая кроется в стихотворной подкорке. И этот мир дарит такое знакомое и тёплое ощущение родства с самобытным «силкинским» поэтическим словом, где есть глубоко личная, страданная вера в жизнь и человека, сердечное прикосновение к родной природе, открытость перед нею и людьми: «Когда с природою в ладу, / То и с тобой в ладу природа, / А это значит, на виду / Живёшь у своего народа...» («Лад»).

Живут в его стихах те самые, так долго и всесторонне исследуемые, но так и не познанные никем до конца русская душа и русский дух, живёт нерасторжимая связь с Родиной, каждой выпавшей на неё капелькой дождя, залитым солнцем садом, лесом, «подставившим спину небосводу», ковшиком воды из студёного лесного родника, забываемым хлебным духом пропитанной солнцем и трудовым потом родимой земли:

На русскую землю не плюйте,
Любите её и целуйте.
Не золотом и серебром,
Она вам отплатит добром.
Она, как родимая мать,
Вас будет всегда принимать.
(«На русскую землю...»)

В поэзии Владимира Силкина есть созидательность, и это качество даёт ему возможность чувствовать себя внутри русской культуры и русской истории. Помнить о незаживающих ранах прошлого: «Я в Хатыни ни разу не был, / Но летит надо мной зюла, / Детским плачем вонзаясь в небо, / Ударяясь в колокола...» («Дума о Хатыни»), болеть душой за будущее: «И переходим все границы, / Чтоб сохранить свою страну» («Сирия»).

Секрет притягательности творчества

Поэзия Владимира Силкина живёт поступками, она кропотливо и талантливо делает главное дело — озвучивает своё время, слыша эхо прошедших лет. Именно об этом книга «Сирень Победы» и «Русская юла».

Здесь трудные дороги Великой Отечественной войны, здесь отец, раненый в грудь навзлет, и дед, который «прикрывает собою нас от грядущих атак»... Здесь и бездонное небо Сирии в белёсом мареве жары над нашей военной авиабазой: «Лечу в Хмеймим, где блокпосты, / Где вновь сегодня наши дети. / Уже в который раз на «ты» / С войной общаюсь на рассвете» («Отложенная командировка»).

О Сирии написано ещё немного, поэтому выход «Русской юлы», не только книги, но и одноимённого музыкального альбома с песнями на стихи из этой книги, — это и поэтическое, и нравственное событие. И особенно важно, что автор побывал там лично. Говорят, что первой жертвой на войне становится правда. Лирическая по-

этого ёмкого понятия: речка Лапоток, Ямской луг, Константиново, Станция Дно, деревушки Божьи воды и Грачи, Алешня и многие другие дорогие сердцу места...

Живой мир родной природы домовито обжил поэтические строки («Кот», «Лягушка», «Серые цапли», «Петух», «Русская дворняга», «Сизый голубь», «Снегири», «Вороны» и др.).

Но и птице очень важно знать,
Что любовь с уходом остаётся.
Можно счастьем в душу наплеватель,
Только никому не удаётся»
(«Белый Лебедь»)

В книгу «Ночной дождь» вошли переводы стихотворений с языка непали, болгарского, черногорского, персидского, китайского, украинского, ингушского, осетинского, калмыцкого, тувинского, хакасского языков. Вот такой широкий диапазон!

Спешил я, листвою опавшей шурша,
К деревьям озябшим,
звонящим струною,
В осеннем лесу выпрямляйся, душа.
Снимай, словно листья, с себя наносное.
(«Осенний лес» — перевод с укр.
М.Пасечника)

Отдельно хочется сказать о книге детских стихов и рассказов «Золотой карась в аквариуме». Известный литературовед и писатель Борис Леонов однажды сказал, что человек, протиснувшийся с детством, похож на изгнанника из рая. Точнее и не скажешь! Но поэзия никогда с волшебством и искренностью детства не расстаётся. Литература для детей — это многообразная и обширная часть современной культуры. У Владимира Силкина много детских стихотворений традиционной формы, которые, благодаря своей языковой чистоте и стройности слога, легче всего запоминаются ребёнку, формируя его художественное чутьё и речь. В таких стихотворениях много характеров, точно подмеченных штрихов взаимоотношений, много света и доброты, любви к своему дому, этой питательной для детей атмосферы беззаботности и защищённости: «Молоко котёнок пьёт, / Пьёт из чайной ложки. / Он лечить себя даёт / Только маме-кошке...» («Котёнок»).

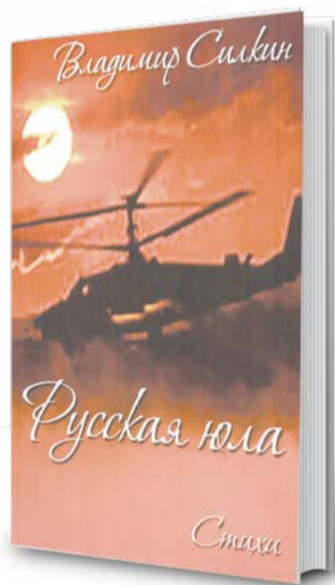
Есть в книге стихи и рассказы, словно старшие товарищи, с некоторой дистанцией от маленького читателя («Книжки и мальчишки», «Первоклассная любовь», «Мальчик, не тронь котёнка...», «Караоке...», «Журавлик», рассказ «Самосвал», сказка «Три брата»), но дети так хотят скорее стать взрослыми, что это их подкупает, притягивает.

И послушны, и упрямы,
Дети все всегда от мамы.
И за то, что рождены,
Дети мам любить должны.
Потому что только мама
Всю любовь отдаст до грамма.
(«И про мам, и про детей»)

Поэзия... Это не только стихи, но и душевное отношение к людям, тепло человеческого общения, свет сердца: «Поэт рождается на свет / Не потому, что света нет, / А потому, что без поэта / На свете не хватает света».

В книгах Владимира Силкина достаточно света и тепла, чтобы согреть и озарить и взрослую, и детскую душу. Читатели самого разного возраста и интереса найдут в них своё сокровенное, быть может, именно сейчас жизненно необходимое им слово!

Нина ПОПОВА,
кандидат филологических наук

Дай, Бог, ей света в сказочных глазах,
Продли ей ночь короткую вот эту...
Любимая, желанная, нельзя
Мне глаз сомкнуть до твоего рассвета.
(«Ты спишь»)

Неотъемлемой чертой поэтического творчества поэта стали географические реалии его родины. Реки, озёра, малые и большие города, — все они лежат на его дороге к отчужденному дому, во всех смыслах

К юбилею русского гения

ПУШКИНСКИЙ ВЫЗОВ ПСЕВДОПОЭЗИИ

В большом зале библиотеки Лермонтова состоялся показ спектакля «Великолепный дар Изоры» в исполнении Николая Прокофьева, Светланы Крупновой и Светланы Волошиной — участников проекта «Московский театр им. М.Ю. Лермонтова»

Идея подобного спектакля по стихам и драматический произведения Александра Сергеевича Пушкина возникла очень давно, целых 20 лет назад. Но замысел режиссёра ждал своего часа, формировался в единое повествование, вырисовывался образно, наполнялся музыкально, чтобы, в конце концов, найти своих исполнителей.

А перейти от замысла к воплощению неожиданно подтолкнуло одно обстоятельство — литинститутская встреча поэтов разных выпусков, которых разделили четыре десятилетия.

Все они были собраны, чтобы продемонстрировать преемственность поколений нынешним студентам прославленного вуза, основанного А.М. Горьким, знаменитого своими творческими традициями и взрастившего в своих стенах выдающихся литераторов.

Став свидетелем этой встречи, скажу: мы оказались вместе с новым поколением, говорящие, как с разных планет, словно на непонятных друг другу языках. Воспитанники разных социальных обществ, политических систем, нравственных основ оказались носителями чуждых друг другу идеалов, принадлежавших разным культурным и литературным мирам.

Выяснилось, что будущим поэтам, идущим на смену нашему литературному миру, не интересен Пушкин, — его отвергают. И это сильно настораживает. Неужели нам предстоит увидеть, как Александра Сергеевича сбрасывают с корабля современности?! Неужели нашу литературу ждёт ещё и такое потрясение?!

Новоявленным поэтам неинтересна жизнь. Их мысли за гранью реальности, за гранью надежды и живого человеческого общения. Это «ультрасовременное» псевдопоэтическое направление во многом — подражательство потоку сознания. Их поэзия напоминает плоскую цифровую фотографию небытия. Там нет глубинного философского содержания, а есть пёстрая, цветная картинка-форма. Эта «поэзия» вызывает печальные и мрачные, болезненные ассоциации, словно свидетельство угасания человеческого разума. Формирующееся молодое сознание прочно впитало уроки окружающей действительности.

Но эти «стихи» не направлены на аудиторию, слушателя, — авторам таких строк никто не нужен. Они пишут для себя. Они интересны только сами себе, и поэту обречены. Рэп — их прочная ступень поэзии.

Суть жизни для них — зло и смерть. Хочется верить, что подобный чернушный максимализм пройдёт с возрастом, схлынет, как мутная волна, и естественная красота возобладает над искусственным уродством.

Для будущего, для души такая поэзия ничего не даст. Она воспекает иное, от чего тошно и морально, и физически.

Наша реальность, наш мир раскладывается на атомы, дробится на составные частички, смешивается до состояния хаоса и разбавляется атмосферой вселенского негатива. Не знаю, чего здесь больше: подросткового цинизма или веры, что это и есть истина.

Здесь не найти мотивов созидания и жизнеутверждения, зато с лихвой — разрушения и нигилизма. Психологический тупик, увы, полное отсутствие творчества жизни. Гармония, логика, мысль, духовность, философская глубина больше не являются ценностью и устремлением поэта-ультра.

Некоторый интерес ещё может представлять документальность, демонстрируемая в отдельных произведениях. Кто-то из студентов пользовался этим приёмом умело. Но общая апокалиптическая направленность остаётся неизменной и превалирует, выплеснувшись за рамки пост-модернизма.

Во многих студенческих стихах отчётливо проступало и юродство, как способ осмысления, а точнее описания действительности, видения мира. Бессмысленно искать в оправдание корни этого явления у обэриутов и проводить с ними параллель. Проповедуя гротеск, алогизм, культивируя поэтику абсурда, как фундаментальную и самодостаточную основу творчества, возможно множить искусственность, а не творить живое, подлинное искусство.

Вот такие мрачные впечатления остались после той встречи и побудили к действию! — обратиться именно к Пушкину, поэтика которого не обесценится, пока душа способна воспринимать красоту, пока ум человека способен различать высокую мысль — «и дум высокое стремление»!

Искусство должно возвешивать душу человека, содержать глубокую идею, авторскую позицию и давать людям наде-

изложения, стилистическом богатстве, разнообразии — и воплотилась его гениальность поэта, писателя, драматурга, исследователя, критика, публициста. В произведениях Пушкина затронуты вечные темы, вечные конфликты и вечные вопросы человечества. Как когда-то Иисус принёс нам искреннее глубокое слово веры, так Пушкин принёс неподдельно-искреннее правдивое высокое слово литературы.

жду, иначе оно не имеет смысла! Так нас учили лучшие умы человечества. Но времена меняются...

Вот так и определилась тема спектакля, которая волнует, болит, несёт в себе злободневность, протест и тревогу за будущее! Состыковались понятия: время — автор — коллектив.

Мы подняли наше артистическое знамя, которое стало основным действенным образом нашего спектакля, — простое незатейливое знамя, даже неказистое с виду, но олицетворяющее высокую духовную идею. Мы вышли отстаивать свои ценности, свои культурные традиции и мы выступили под знаменем Пушкина! — с величайшей бережливостью относившегося к русскому языку и вложившего много таланта в его реформу. Пушкина — литературное наследие которого сочетает в себе внутренние идеалы высоких убеждений и внешнюю гармонию слова, слога, ритма, звука, рифмы. Пушкина — в чьей простоте, но точности языка, доступности

Взгляд Пушкина глубок и всеобъемлющ: бытовой, исторический, поэтический, философский, ироничный и т.д. Его литература рождается из синтеза социально-экономического и политического состояния общества. Изучение социума и постижение природы человека лежит в основе уникального пушкинского творчества.

Недоумевать сегодня и иронизировать: «Почему же Пушкин — наше всё, когда есть интернет?!» — значит, проявлять или свою необразованность, или пошлость. Значит, противопоставлять себя всей истинно русской культуре.

Спектакль «Великолепный дар Изоры» тоже строится на противопоставлении культур, начиная от противопоставления блестящему театральному Петербургу и заканчивая противостоянию современной агрессивной антикультуре.

Знамя, собранное из подручных средств, которым действующие лица славят на сцене великие культурные эпохи прошлого, оставившие достойный след в истории,

оставившие незабвенные имена, сродни знамени Жакерии, — ведь сегодня за сенсационную культуру не платят.

Обращаясь к различным эпохам, мы следовали за Пушкиным, так умело стилизовавшим свои произведения. И перед зрителями предстали то рациональный герой, то герой-романтик, по-своему несущие бремя страстей, то таинственный мистический герой, вне времени, бесконечно режиссирующий человеческие драмы и комедии жизни, то сам Пушкин.

Задача этой постановки состояла в том, чтобы при минимальном декорационном наполнении спектакля нести художественное слово автора, его остроту и философскую глубину. Сосредоточить внимание на тексте, на событиях, на «истине страстей и правдоподобии чувствований в предполагаемых обстоятельствах», как определял суть театрального действия Пушкин почти 200 лет назад, «вот чего требует наш ум от драматического писателя», — писал он в статье «О народной драме и о «Марфе посаднице» М.П. Погодина» в 1830 году. Какое понимание сценического процесса, проникновение в суть вопроса! Позже К.С. Станиславский положил эту мысль Пушкина в основу своей театральной системы, которая сегодня многими лжепросветителями и критиканами тоже считается устаревшей.

Но люди хотят обратного. Хотят быть нормальными: восхищаться красивым, ценить доброе, уважать умное. Когда перед спектаклем объявили, что данная постановка осуществлена русским театральным коллективом, поддерживающим традиции К.С. Станиславского, по залу пронёсся вздох облегчения: «Слава богу...» — раздалось с разных сторон. А после спектакля люди благодарили за данную им возможность услышать пушкинским словом без примеси современных технологий.

В спектакле из выразительных средств, общепринятых в театре, наибольшей современностью обладала музыка. Музыка жёсткая эпохи XX века. И это лишь доказало универсальность поэзии Пушкина. Его слово не потерялось, оно зазвучало в унисон с современными ритмами, подтверждая вечную современность автора, опровергая тех, кто утверждает, что поэт устарел и более неинтересен.

К сожалению, многие уже, особенно молодые люди, для которых современный культурный хаос — естественная среда, которые не могут сравнить то, что было до перестройки, с тем, что стало после, очень часто не умеют отличить хорошее от плохого, искусство от неискусства. Они не могут по достоинству оценить высокий исполнительский профессионализм. Выросшие на сериалах и шоу, они не обладают ни эстетическим вкусом, ни эстетическими понятиями, и не воспринимают то, что выходит из разряда попсы. Это страшно.

Поколение молодых людей оторвалось от своих корней, выросло, как неплодородный сад без земли. Они перестали быть последователями своих традиций. Им не нужны наши культурные ценности, у них иной способ восприятия действительности. Это уже не обычный конфликт поколений, а раскол поколений, где «распалась связь времён» и «мир распался», которые трагический герой должен восстановить.

Вечный позор тем, кто был причастен к этому развалу. Вечный позор тем, кто теперь воспекает троны и ратует за их возвращение. Это предательство своего народа и памяти предков, которые, как Александр Сергеевич Пушкин, воспевали совсем иное! «Хочу воспеть Свободу миру, На тронах поразить порок».

Светлана АНДРИЙЧУК

Валерий СДОБНЯКОВ

Не откладывать признания в любви

О поэте Юрии Адрианове, которому исполнилось бы 80 лет

Каждый раз, когда я поднимался на четвёртый этаж в доме на улице Белинского, поворачивал рычажок старинного, ещё дореволюционного механического дверного звонка и слышал за дверью быстрый топот сильных больших собак, а затем неторопливые шаркающие шаги самого хозяина квартиры, сердце моё наполнялось тёплым чувством. Было в нём что-то от признательно-сыновнего, преданного, когда хочется дорогого для тебя человека обнять за плечи и сказать о том главным и важным, что уже давно живёт в твоём сердце. Но открывается дверь, и приветственные слова, улыбающиеся глаза, широкий жест руки хозяина вроде бы опережают тебя своей расположенностью, доброжелательностью. И слова вновь остаются до поры не высказанными, потаёнными... Но всему свой срок.

Вот уже не одно десятилетие я духовно и интеллектуально живу с творчеством нижегородского писателя Юрия Адрианова. За это время прочитано много его книг, очерково-прозаических и поэтических сборников, огромное количество статей в периодике. Думаю, из наших литераторов в этом отношении с ним мало кто может сравниться. Работоспособность писателя в критике и художественной публицистике, краеведении и историческом осмыслении прошлого с настоящим просто не поддаются сегодняшней оценке. И заметим сразу: это работа именно литературная, а не журналистская. Она имеет другой вес, другой уровень обобщения и вневременного проникновения.

Меня, тогда ещё молодого человека, сержанта, только что вернувшегося со службы в Советской Армии, жадно ищущего новых литературных открытий, читающего беспрестанно разных, зачастую необязательных, случайных авторов, не могла не захватить эта осмысленно-выстроенная, мощная корневая творческая стихия. Именно статьи Юрия Адрианова, в которых чувствовалась основательность убеждений по многим вопросам эстетики, истории, культуры, помогли мне утвердиться в правильности собственных литературных и духовных поисков.

Впервые случилось мне познакомиться с писателем лично лишь 26 февраля 1985 года. Целый вечер проговорили тогда о литературе и живописи, истории и краеведении. Это был клад ещё нетронутых идей и тем, только задуманных книг и очерков, предчувствия новых (и во многом иных, доселе у него не звучавших) поэтических строк.

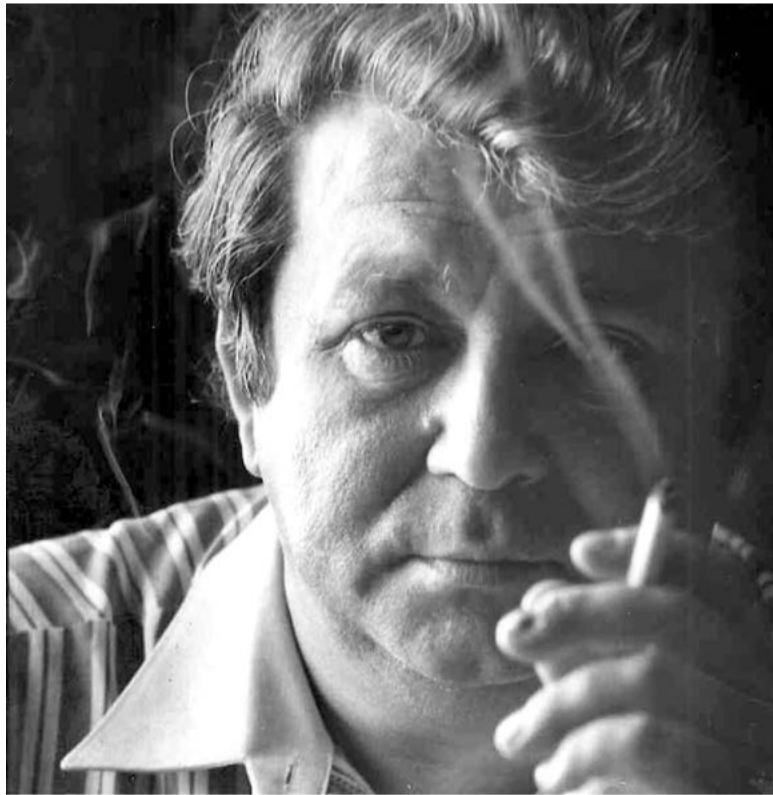
Впечатление от встречи было столь огромным и захватывающим, что я находился под его влиянием несколько суток, включая не только дни, но и беспокойные ночи. К сожалению, мои робость и стеснительность помешали тогда продолжению нашего знакомства. Как я мог запросто, без какого-то очень значимого и необходимого повода прийти к человеку общероссийской известности?! И мы почти расстались на огромный по сегодняшним временам срок — на 16 лет, до 2000 года.

Какие времена переживала страна! Сколько людей за эти годы, да и не по одному разу поменяли свои убеждения, взгляды, отказались от прошлых идеалов, к которым сами же громче всех призывали. Сколько функционеров металось от одной партии к другой, пытаюсь угадать, какая победит, в которой состоять будет выгоднее и сытнее.

Адрианов в это время себя не замарал ничем. Он голодал, сидя на воде и хлебе. Безденежье не давало возможности купить краски, выехать на этюды, издать книги, наконец, просто по-человечески отдохнуть. И писал вот такие стихи:

Бессмертны и честь, и отвага,
А Родина выше всего.
Мы век начинали с «Варяга»,
Закончили «Курском» его.

Казалось бы, смири гордыню, поклонись кому надо, попроси помощи, послужи, в конце концов, статейкой, стихом, кото-

рые посвяти кому следует. Но есть нечто такое, чем торговать нельзя, с потерей чего сам смысл происходящего служения теряет всю цену. И Юрий Адрианов пишет в стол стихи, прозу. Печатает статьи, проникнутые глубочайшей любовью к нашей нижегородской культуре, истории.

Болью в сердце отдаётся навалившееся на страну горе, разорение, оплёвывание чести древних предков, близких дедов и отцов.

С этой поры, с девяностых годов, в его поэзии наступил период глубоких обобщений и переживаний, период надвременного, философского осмысления происходящего. Осмысления и векового пути страны, и своего человеческого значения в этом движении, своей ответственности.

Я, не имея возможности близко общаться с поэтом, со стороны следил за его думами и переживаниями, за его какой-то очень острой внутренней борьбой, без которой, наверное, немислим переход творчества в новое качество. И как я боялся, вдруг он не выдержит.

Но, конечно же, напрасно.

Крушились на куски миры,
Темнели волны рек от гнева.
Я жил среди страшной той поры
Былинкой малой возле древа.
.....
Я видел сорок пятый год,
Смерть не забыла двери наши,
А значит, как и весь народ,
Испил печаль из общей чаши.

В горниле того времени сформировалась новая позиция писателя, поэта, преданно любящего Россию гражданина. Уже не в отстранённо-благополучные сытые годы, но в годы борьбы и испытаний, в годы сражений, душевных мук, многого предательства она обрела новое качество.

Слава Богу, что и в эти годы, пусть не так часто, не теми объёмами и тиражами, но книги Адрианова выходили. Находились добрые люди. Да и могло ли быть иначе? Адрианов обращается к читателю

дростью раздарила тем, кого они могут заинтересовать. И не только самим им написанные, что ещё понятно, но и из своей собственной библиотеки.

По этому поводу я как-то невпопад сказал: «Интересные книги, сдайте в букинистический магазин». И, похоже, это очень не понравилось Адрианову:

— Ну, зачем... Я лучше в библиотеку какую-нибудь отдам.

Мне было стыдно за своё необдуманное предложение.

В 2001 году вышел в свет первый номер литературно-художественного православного альманаха «Вертикаль» — издания, мною выстраданного. Потому я и надеялся, что оно, пусть и не однозначно, но заинтересованно будет встречено в литературной среде. Ошибся. На публикацию «Вертикали» откликнулись многие средства массовой информации, только не братья-писатели. Это при том, что ничего подобного в Нижнем Новгороде тогда не издавалось.

Юрий Андреевич ответил мне полным доброжелательством. «Вертикаль» он читал, альманах ему нравился, и, более того, он выразил готовность передать для публикации на его страницах свои новые, только что написанные стихи. Совсем скоро появилась и его небольшая статья в газете «Земля нижегородская» с добрым и ободряющим отзывом на все три книжки альманаха. А потом пришло письмо и от Василия Белова с не менее тёплыми словами поддержки и со статьей знаменитого русского писателя для публикации в очередном номере «Вертикали». Так я и пережил это выпавшее мне вместо радости испытание. И слава Богу за всё это!

С тех пор и до конца своих дней Юрий Андреевич был членом общественно-редакционного совета «Вертикали», постоянным автором, публиковал не только свои замечательные стихи, но и интереснейшую автобиографическую прозу, исторические заметки.

Зимними вечерами мы часто и подолгу засиживались у Юрия Андреевича за разговорами на самые разнообразные темы. Изредка он просил свою супругу Наталью почитать стихи, но большей частью мы говорили о литературе. Вспоминал Юрий Андреевич свои многочисленные встречи с людьми замечательными и известными, свои поездки на Север России и в среднеазиатские республики Советского Союза. С болью, неравнодушно, говорил поэт о теперешнем времени, о разоре и поругании Родины, о нищете и обманутости своего народа. Рядом, будто понимая, о чём идёт речь, вздыхали лежавшие у его ног две большие красавицы борзые. Картины и книги окружали писателя, размещённые вдоль стен, на полках, на рабочем столе. Всё говорило о большой и постоянной интеллектуальной, творческой работе, вершившейся в этом доме. И поэзия, и проза его год от года становилась всё весомее, всё глубже и философичнее. А значит, нас, его современников, ещё ждут новые художественные открытия, открытия мысли и духа.

Вот только бы научиться нам по достоинству ценить то, что дано нам Богом в этой жизни. Ценить и беречь. И не стесняться говорить достойные слова людям, давно их заслужившим, не дожидаясь юбилеев и каких-то особых дат.

Якутский классик на болгарской земле

В мае прошлого года, ко Дню славянской письменности, в «ОЛГ» была напечатана статья нашего главреда Владимира Фёдорова «Под сенью веков и кириллицы». В публикации рассказывалось об армянском предпринимателе Карене Александяне, создавшем в старинной столице Болгарии Плиске музейный комплекс, посвящённый великой славянской азбуке

Помимо исторической ретроспективы и картинной галереи, иллюстрирующих это знаковое и в то же время драматическое событие, Александян заложил при своём «Дворе кириллицы» уникальную Аллею писателей. Карен поставил целью собрать

взгляд, современного якутского скульптора Афанасия Романова, который ранее уже воплотил в бронзе национального классика на одной из главных площадей северной столицы, а также создал

Раиса и Лариса Кулаковские во «Дворе кириллицы»

на этой аллее скульптурные бюсты всех именитых мастеров слова, создававших произведения на кириллице, которой сегодня пользуются более 80 народов планеты.

Открыл это почётное собрание болгарский поэт с мировым именем Пейо Яворов, а затем к нему присоединились общепризнанные писатели Сербии, России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Македонии, Монголии и других стран. Нашу страну, помимо великих классиков Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Достоевского, Тургенева и других русских знаменитостей, представили и основатели национальных литератур Коста Хетагуров (Осетия), Расул Гамзатов (Дагестан), Давид Кутультинов (Калмыкия), Абузар Айдмиров (Чечня), Николай Ильбеков (Чувашия), Намжил Нимбуев (Бурятия), Идрис Базоркин (Ингушетия)...

Встретившись с Кареном Александяном в его «Дворе кириллицы», Владимир Фёдоров рассказал музейному энтузиасту о том, что на его малой родине в Якутии самые северные на планете и единственные в мире православные торки тоже пользуются кириллицей. Так родилась идея увековечить в древней болгарской столице родоначальника якутской литературы Алексея Кулаковского-Ексекулээха, опубликовавшего в 1910 году первое письменное художественное произведение народа саха «Заклинание Байаная».

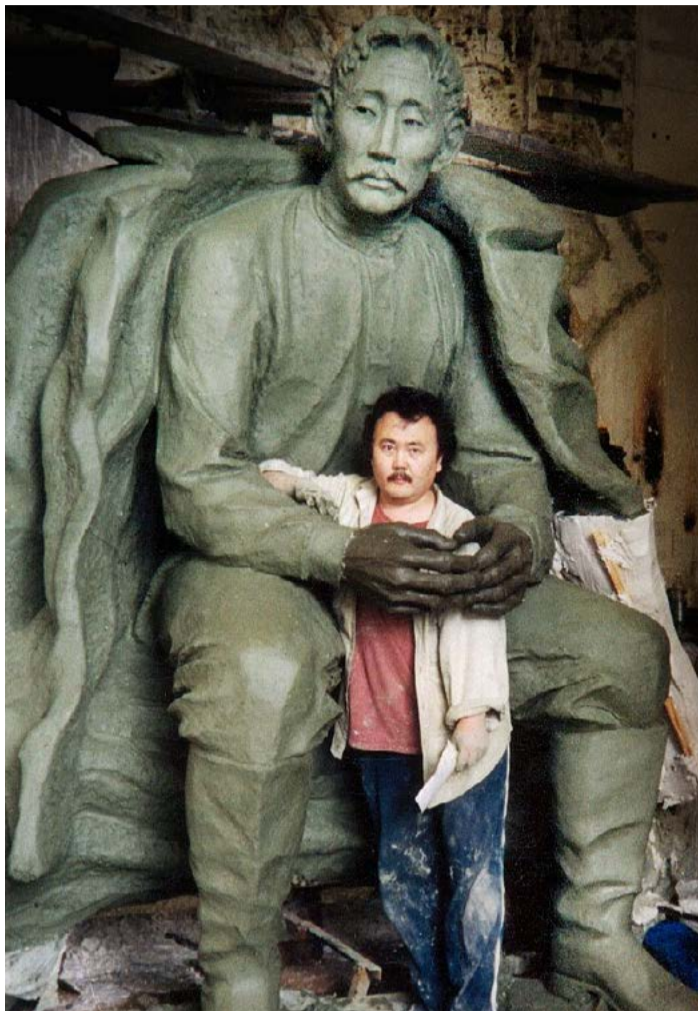
Тогда же Владимир назвал Карену имя самого талантливого, на его

Афанасий Романов и Сергей Обручев

Памятник Кулаковскому в Якутске

Скульптор Афанасий Романов со своим Алексеем Кулаковским

Карен Александян и Владимир Фёдоров, апрель 2018 г.

памятнику основателю Якутска Петру Бекетову и целому ряду исторических личностей Сибири. Возвратившись в Россию, Владимир Фёдоров заручился согласием скульптора и обратился со своей инициативой в Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия).

И вот, почти ровно через год, бюст Алексея Кулаковского, изготовленный Афанасием Романовым, был торжественно открыт во «Дворе кириллицы». На это знаменательное событие, помимо скульптора и его супруги, приехали две внучки якутского классика — Раиса и Лариса Кулаковские, которым и было доверено почётное право перерезать ленточку. Якутская делегация оказалась самой многочисленной за всю историю Аллеи писателей, в неё вошли не только официальные лица, но и знаменитые артисты республики, сделавшие праздник ярким и красочным.

Надо подчеркнуть, что изготовление бюстов для своей Аллеи писателей практически всем именитым скульпторам оплачивал сам Карен Александян, но Афанасий Романов, продемонстрировав северную широту души, не

только создал 40-килограммовую скульптуру, но и отлил, а также доставил её во «Двор кириллицы» за свой счёт.

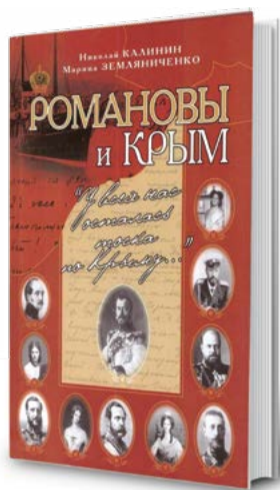
Низкий ему за это поклон!

В день открытия Лариса Кулаковская отправила письмо в Москву в адрес главного редактора «Общеписательской Литературной газеты»:

«Владимир Николаевич, спасибо вам огромное! Благодаря вам Ексекулээх будет среди гениев, пишущих на кириллице! Это вы поставили, как говорил Владимир Солоухин, «жемчужину российской поэзии» в один ряд с жемчугами мировой литературной элиты. Мой отец всегда говорил, что русские люди возродили Ексекулээха, открыли его миру и всегда будут стоять на его защите...»

В танце расцветает русская душа

«Я хочу танцевать до ста лет...» — эта заветная мечта великой русской балерины Майи Плисецкой стала лейтмотивом выставки-оды «Театр в классике и классика в театре», организованной в читальном зале библиотеки-филиала им. М. М. Коцюбинского Симферополя в рамках всероссийской акции «Библионочь — 2019» накануне Международного дня танца

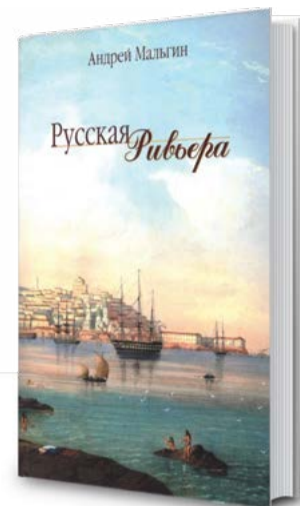
Выставка-ода рассказывает о различных видах танцевального искусства. Так, раздел «Русский балет — вдохновенный рисунок танца» представляет собой подборку материалов о самом изящном виде классического танца, о жизни и творчестве неповторимых балерин — Анны Павловой, Галины Улановой, Майи Плисецкой и других блистательных «икон стиля» русского балета, известных всему миру. О разудалом и щедром на веселье народном танце рассказывает раздел «В

танце расцветает русская душа», которая раскрывается поэтическими строками Сергея Есенина «Ты играй, гармонь, под трензель, отсыпай, плясунья, дробь!» и Сергея Стрельникова «Закружились хороводы колесом: и вокруг, и вспять! Пробудился дух народный — русской пляски не унять!».

Издания, представленные в экспозиции «Прекрасен танца разговор», знакомят читателей с отечественным танцевальным искусством, нашедшим отражение в произведениях русской классики, сюжеты которых экранизированы и широко популярны в театральных и балетных форматах: всемирно известный роман-эпопея Л. Толстого «Война и мир», в котором на примере московского бала 1810 года, ставшего дебютом для Наташи Ростовой, раскрывается балетный ритуал русского общества XIX века; роман в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин», главный герой которого «легко мазурку танцевал»; роман Л. Толстого «Анна Каренина», произведения М. Лермонтова «Герой нашего времени» и «Маскарад» и др. А также роман Д. Мамин-Сибиряка «Приваловские миллионы» и поэма Н. Гоголя «Мёртвые души», колоритно описывающие провинциальные балы России XIX — начала XX века.

Краеведческие издания «Русская Ривьера» А. Мальгина, «Романовы и Крым» Н. Калинина и М. Земляниченко, «Ливадия — цветочная корона Дома Романовых» Ю. Арбатской и К. Вихляева вызывают особый интерес у читателей. Они повествуют о жизни российского великосветского общества в период «бархатных сезонов» на крымском курорте, о балах, состоявшихся осенью 1911 года в Белой парадной столовой Ливадийского дворца: первый бал — в честь совершеннолетия старшей дочери Николая II Ольги, второй — в день рождения императрицы Марии Фёдоровны и 17-й годовщины венчания Николая и Александры.

В экспозиции «Танец на холсте» тематические репродукции А. Саврасова, И. Репина, Ф. Малявина, В. Дувидова, Ю.

Пименова, П. Вильямса и других отечественных художников органично раскрываются строками из русской поэтической классики: «Театр уж полон; ложи блещут...» (А. Пушкин), «Средь шумного бала, случайно...» (А. Толстой), «Жизнь — как бал: кружишься — весело...» (М. Лермонтов), «И веет, веет ветер балетный теплом душистых опахал» (И. Бунин), «Меня пленяет вихорь балетный...» (А. Фет), «Полон музыки, музы и муки...» (О. Манделштам) и др.

«Танцуйте, веселитесь, в добрый час!...» — эти строки из трагедии «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира стали цитатой заключительного раздела «Поэтический театр Шекспира», посвящённого 455-летию великого английского драматурга, поэта и актёра эпохи Возрождения.

Материалы полосы подготовила Вера КОВАЛЕНКО

«И музыкою отзвучавшей наполнен этот милый дом...»

«Белеет стройный этот дом..., но, кажется, что воздух в нём не здешний — северный и русский». Эти проникновенные строки Самуила Маршака стали цитатой-лейтмотивом краеведческой ретро-выставки «И музыкою отзвучавшей наполнен этот милый дом», организованной в библиотеке им. М. М. Коцюбинского к 100-летию со дня объявления Дома-музея Антона Павловича Чехова национальным достоянием

Краеведческие и периодические издания, представленные в разделах ретро-выставки «Этот Чеховский дом, так любимый душою» и «Тепло и поэтично... Один восторг», раскрывают уникальную историю Дома А. П. Чехова, наречённого современниками писателя «Белой дачей». Александр Куприн вспоминал: «Ялтинская дача Чехова была, пожалуй, самым оригинальным зданием в Ялте. Вся белая, чистая, легкая...». Сам же Чехов писал в 1899 году сестре Марии Павловне: «Ялтинский дом очень хорош... Не дом, а волшебство». Строительство последнего пристанища писателя длилось менее года — с октября 1898 по сентябрь 1899 года. Дом получился «очень скромным, простым, уютным и удобным» — таким, каким его задумал сам Чехов. На «Белой даче» Антон Павлович прожил вместе с матерью и сестрой с 1899 по 1904 год — 1 мая исполняется 115 лет со дня последнего отъезда Чехова из Ялты (за два месяца до кончины в Германии). Дополняет раздел подготовленный сотрудниками библиотеки литературно-краеведческий буклет «Не дом, а волшебство».

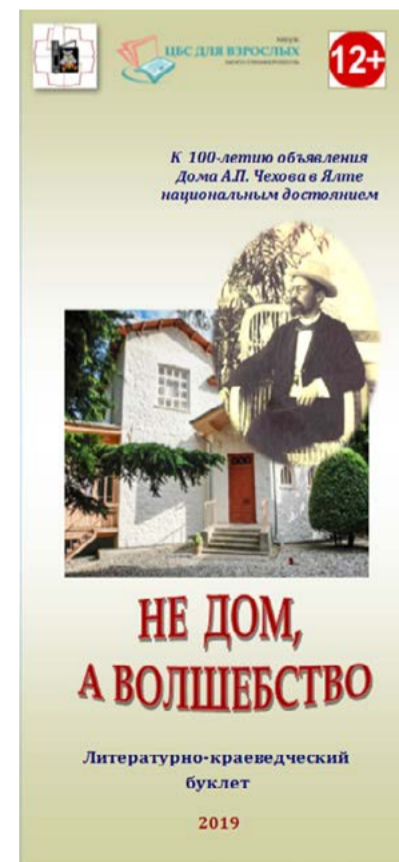

Вокруг дома Чехов, сказавший однажды: «Если б я не был писателем, я стал бы садоводом», своими руками буквально на пустыре высадил уникальный сад, что, как утверждают краеведы, стало особой, радостной страницей жизни писателя: «Вчера и сегодня я сажал на участке деревья и буквально блаженствовал, так хорошо, так тепло и поэтично...». Литературоведы же считают, что сад «Белой дачи» напоминает чем-то многожанровое чеховское творчество. Так и в его саду рядом с южными вечнозелеными растениями соседствуют милые сердцу Чехова деревья средней полосы России.

Несмотря на тяжелую болезнь хозяина, «Белая дача» была местом паломничества русской интеллигенции. Здесь бывали И. Бунин, В. Короленко, А. Куприн, М. Горький, К. Бальмонт, Д. Мамин-Сибиряк, В. Гиляровский и другие писатели, художники В. Васнецов, И. Левитан, К. Коровин, основатели МХАТа К. Станиславский и В. Немирович-Данченко, Ф. Шаляпин и В. Комиссаржевская, композиторы С. Рахманинов и А. Спендиаров.

Раздел выставки «Шедевры Чехова, написанные в Ялте» представляет пьесы «Три сестры» и «Вишнёвый сад», повесть «В овраге», рассказы «Дама с собачкой», «Архирей», «На святках» и «Невеста». В словах одного из героев последней чеховской драмы «Вишнёвый сад» звучит неумиряющая душа Великого русского писателя-оптимиста: «Я предчувствую счастье...».

Дом в Ялте Чехов завещал сестре, которая и позаботилась о том, чтобы «Белая дача», пережившая революцию, две мировые войны и землетрясение, сохранила свой первозданный вид. 9 апреля 1921 года Дом-музей А. П. Чехова был включён в число государственных учреждений, а Мария Павловна Чехова в течение 36 лет была его хозяйкой. В соавторстве с братом Михаилом Чеховым ею написан представленный на выставке уникальный мемуарный каталог-путеводитель «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте» (1960 г.). Не менее интересны читателям краеведческие издания «Крымские каникулы», «У литературной

карты Крыма», «Сто рассказов о Крыме» Е. Криштоф, «Чехов в Крыму», журналы «Полуостров сокровищ» и «Берега Тавриды», один из номеров которого содержит гордые строки крымского поэта Вячеслава Егизарова:

И стало одной из примет,
в которую верим упорно:
Здесь Чехова вроде бы нет,
и всё же Он здесь, бесспорно!

Елена СТЕПАНОВА

Воплощая тонкий мир материй...

Посмотреть на работы якутской театральной художницы, заслуженного деятеля искусств России Лены Гоголевой я пришла в... Госдуму. Именно там состоялась её пятая выставка, совместная с сокурсницей и подругой, тоже театральной художницей, только московской, Викторией Просвирниной. Это была выставка «Облака над нашим домом», которая стала для многих настоящим открытием

Работы обеих — особый мир. Это мир чудес, он волшебный и фантастический, а у Лены ещё и замешан на мистике, точнее, на верованиях якутов, отражённых в древнем народном эпосе олонхо, и тем интересна она столичному зрителю.

Обе художницы, раз театральные, тесно связаны с литературой. Лена, к примеру, работая главным художником якутского театра, оформляла спектакли по пьесам своего отца, народного писателя Ивана Гоголева. Оформленный ею шекспировский «Король Лир» в своё время получил Государственную премию. Но и ещё надо сказать, что именно она оформила двухтомник стихов и прозы Ивана Гоголева, недавно увидевшего свет в рамках издательской программы МСПС. Потрясающие получились книги.

А у Виктории, чьи работы просто изумляют своей невероятной фантазией, после Госдумы словно открылся заветный ларец: выставки пошла одна за другой, в том числе, состоялась, наконец, персональная — «Сказы о Еве, или Яблоко для Адама».

И конечно, такие работы просто не могут храниться в альбомах. Они необыкновенны. Узнаваемы. Требуют зрителя. Именно поэтому становятся обложками книг и, шагая в ногу со временем, украшают стены высоток. Так случилось, например, с Лениным муралом, посвящённом якутской верховной богине и покровительнице плодородия Айыыһыт.

И для Виктории обложки — дело не новое: стоило её картинам появиться в ленте в соцсетях на глазах у писателей, так они тут же восплали идеей сделать их обложками замечательных книг.

Почему выставка получила название «Облака над нашим домом»?

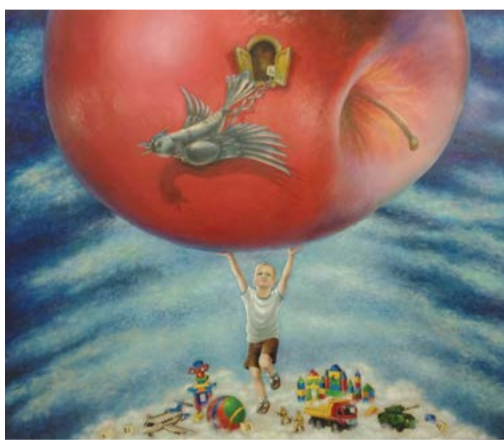
— Все спрашивают почему, — говорит Лена. — Это романтическая тема. Мы думаем, что наш дом — это наша большая страна, у неё нет границ, а облака — они такие свободные. Я не могу часто бывать в Москве, а Виктория не может приехать в Якутск, но мы дружим, как и все театральные художники, которые очень поддерживают друг друга. Наш мир — это мир наших фантазий, и выставка у нас несколько фантазийная. Очень много работ именно с

Л. Гоголева. Богиня Айыыһыт

Л. Гоголева. В отпуск

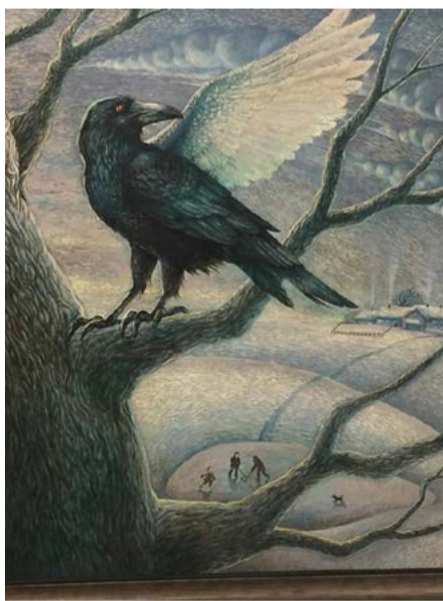
В. Просвирнина. Кукушка. Часы

Лена Гоголева

В. Просвирнина. Купчиха

В. Просвирнина. Ворон

облаками, даже на пригласительном билете изображено, как девушка летит на облаке. Всего было 40 работ, 16 из которых мои. И это не театральные эскизы, декорации или костюмы, а живопись и графика, но в исполнении театральных художников.

Одна из недавних работ Лены Гоголевой — прекрасный спектакль «Чайка» в Русском драмтеатре, в котором удивительно передана атмосфера времени. Как же ей удаётся быть столь совершенной в двух абсолютно разных ипостасях: якутской мистике и русской классике?! «С Чеховым у меня сложные отношения, — говорит Лена. — Во мне сплелись две культуры: мама у меня русская, а папа якут. И поскольку я работаю в Саха театре, я полностью погружена в национальную культуру, её люблю, все мои последние выставки пропитаны якутской культурой. А Чехов очень... русский. Он невероятно тонкий, интеллигентный, в его произведениях другие отношения, совершенно другая среда. Столько в нём стра-

даний мятущийся души, страдания от провинциальности. Я в последнее время это хорошо ощущаю: интеллектуального душевного общения стало меньше. И я стала тонко понимать настроения и чувства Чехова»...

Любимая тема Лены Гоголевой — боги Айыы. «У якутов ведь свой пантеон богов, и я очень люблю создавать работы на эту тему, — рассказывает художница. — Они несут свой национальный характер, образ». Так пусть ей и её подруге Виктории Просвирниной всегда и во всём помогают светлые боги Айыы! И вдохновляют обеих!

Виктория Просвирнина на фоне «Синей птицы» Л. Гоголевой

Учредитель и Издатель:

«Международное сообщество писательских союзов» (МСПС).
© Все авторские права защищены.
Газета Международного сообщества писательских союзов
«Общеписательская Литературная газета» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-42840 от 26.11.2010.

Редакционный совет:

Председатель — Иван Переверзин.
Члены: Владимир Бояринов, Светлана Василенко, Маквала Гоншвили, Илфак Ибрагимов, Юрий Конопляников, Лев Котоков, Низом Косим, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Михаил Кураев, Исхак Машбаш, Борис Орлов, Николай Русу, Владимир Середин, Николай Чергинцев.

Редакционная коллегия:

Главный редактор — Владимир Фёдоров
Заместитель — Елена Степанова
Дизайн — Лора Лей
Вёрстка — Алексей Новиков
Редактор — Елена Аксаментова

Адрес редакции:

123995, Москва, Поварская, д. 52, к. 17.
Телефон: (495) 691-6307, 691-1639.
E-mail: olg-msps@yandex.ru

Отпечатано:

АО «Красная Звезда»
123007, г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72
http://www.redstarph.ru
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
Тираж 9000 экз
Заказ № 1674-2019
Время подписания в печать:
по графику — 30.05.2019 в 10.00
фактически — 30.05.2019 в 10.00

Принимая во внимание, что одной из базовых ценностей современного демократического общества является свобода слова и совести, редакция даёт максимальную (в пределах закона) возможность высказаться авторам. Но это не означает, что мы всегда разделяем их позиции и точки зрения.

Авторы отвечают и за достоверность предоставляемой ими информации.